Роберт Ритчер

Фамильные «дела»

Глава первая

Истоки

1. Среда обитания

Родители моего отца, как и родители матери, – уроженцы города на Волге в Саратовской области, который ныне зовётся Марксом. Город этот расположен на левом берегу, в 50-ти километрах выше Саратова.

Он был заложен в 1766-ом году переселенцами из Германии и назван в честь императрицы Екатерины II Екатериненштадтом (Katharinenstadt); имел он и второе название – Баронск – в честь его основателя барона Кано де Борегарда.

Стоит город на высоком берегу, типичном скорее для правобережья Волги, чем для левой, или, как принято было говорить раньше, луговой стороны. После строительства Сталинградской ГЭС Волга ниже Маркса стала много шире, чем была в своём естественном состоянии, затопила все луга, низины, русла притоков, вошла во многие овраги. А вот в районе Маркса она изменилась значительно меньше, да и выше – не очень.

Екатериненштадт стал официально называться городом в 1918-ом году. До этого он числился селом, хотя, как справедливо отметил саратовский учёный С.Терёхин, исследователь архитектуры немецкого Поволжья, такие сёла, как Екатериненштадт, Бальцер, Гримм, Франк, Зельман, Норка, Мариенталь уже во второй половине XIX века были скорее небольшими городами, чем сёлами. Они имели собственные кирпичные заводы, на которых производился хорошего качества кирпич, к тому же не только прямоугольный, но и фигурный, не только красный, но и синеватого и зеленоватого оттенков. Это позволяло возводить там основательные здания, к тому же с претензией на собственный стиль с присущими только ему архитектурными и эстетическими особенностями. Зримое присутствие этого стиля проявлялось не только в немецких населённых пунктах, но и в соседних русских городах: Камышине, Царицыне, Вольске, Аткарске, Николаевске, не говоря уже о Саратове и Покровске.

Центры этих сёл-городов с обязательной церковью, прицерковным сквером и площадью застраивались большей частью двухэтажными зданиями, административными и жилыми, там имелись ремесленные и промышленные предприятия, численность жителей в них на начало XX века составляла 8-12 тысяч человек. Но истории суждено было распорядиться так, что статус городов получили только Екатеринештадт и Бальцер, а остальные так и остались большими сёлами.

Екатериненштадт несколько раз переименовывался. В 1915-ом году, во время первой мировой войны, когда в России получил развитие процесс

искоренения немецких названий и другой немецкой атрибутики, он стал называться Екатериноградом, оставаясь при этом, однако, ещё и Баронском. В 1918-ом году он стал центром вновь созданной автономной области и вскоре был переименован в Марксштадт. В начале 1942-го года, когда немцев уже выселили, стал он просто Марксом и остаётся Марксом и поныне, несмотря на одиозность имени того деятеля, в честь которого он был назван, и благополучно пережив известную кампанию по возвращению прежних названий.

Во второй половине XIX века, в годы детства и юности моих дедов, в Екатериненштадте было 3 церкви: лютеранская, католическая и православная, и при каждой из них была приходская школа. Была школа и государственная, так называемая министерская, находившаяся под управлением Министерства просвещения России. Действовала и Центральная школа, превращенная в реальное училище, а ближе к смене веков были открыты мужская и женская гимназии.

В Екатериненштадте было много ремесленников: ткачей, кожевников, табачников, горчичников, каретников, фургонщиков, краснодеревщиков; было несколько мельниц, водяных и паровых; на берегу Волги стояли зернохранилища и амбары, имелись пассажирская пристань и грузовые причалы. В 80-ых годах XIX века предприниматель Шефер основал там завод, ставший вскоре известным (по меркам того времени) предприятием, продукция которого: сеялки, косилки, веялки, плуги, бороны и различного назначения повозки – пользовалась постоянным спросом.

Часть населения Екатериненштадта занималась земледелием, хотя поля многих землевладельцев находились на значительном удалении – до 30-ти вёрст. Почти все жители имели приусадебное хозяйство: коров, лошадей, свиней, овец, коз, кур, индюков, сад и огород.

В 1871-ом году, при Александре II, была ликвидирована Саратовская контора иностранных поселенцев, административный орган управления немецкими колониями, при этом колонии были переданы в состав Саратовской (нагорная сторона) и Самарской (луговая сторона) губерний. Екатериненштадт оказался в Николаевском уезде Самарской губернии. Надо заметить, что если для колоний правобережья признанным центром деловой и культурной жизни по-прежнему оставался Саратов, то на левом берегу таким центром всё больше и больше становился Екатериненштадт – при оставшемся общем тяготении всё-таки к Саратову, а не Самаре.

Население города было смешанным, немецким и русским, со значительным преобладанием доли немцев. Екатериненштадтские немцы в своём большинстве могли изъясняться не только по-немецки, но и по-русски, но уровень владения русским языком, конечно, был разным. Например, все мои родственники и по отцу, и по матери, кроме бабушки Анны, практически одинаково владели обоими языками, то же – и грамотой. Но я полагаю, что они и им подобные были скорее исключением из правила, чем нормой.

Говорили екатериненштадтские немцы на диалекте, который Г.Дингес отнёс к восточному средненемецкому говору (Ostmitteldeutsch). Конечно, нельзя думать,

что они до 20-го века в точности сохранили говор своих предков; несомненно, что за 150 лет он впитал в себя какие-то элементы и других диалектов, и даже русского языка. Но и то несомненно, что за это время претерпел он значительно меньшие изменения, чем немецкий язык в Германии. Не зря же немецкое Поволжье для германских лингвистов было диалектологическим заповедником, и они с большим интересом относились к работам поволжских исследователей-диалектологов, да и сами при возможности старались приехать на Волгу.

От современного литературного языка диалект имел существенное отличие. На нашем говоре не было характерного немецкого звука «pf», произносилось чистое «f» (Pferd – Ferd, pfeipfen – feifen, pflanzen – flanzen). Большинство звонких согласных оглушалось, а в начале слов – все без исключения (не du, а tu; не grau, а krau; не Balzer, а Palzer); правда, и в современном немецком такое тоже встретишь сплошь да рядом. Во многих словах вместо «b» звучало «w» (Arweit вместо Arbeit; ich hawe, а не ich habe; Kawel, а не Gabel); к слову сказать, подобное встречается ещё в ряде диалектов немецкого языка, да и не только в немецком, но и в некоторых других германских языках, и что ещё любопытнее – не только в германских. Отсутствовал дифтонг «eu», вместо него был «ei» (heute – heit, deutsch – teitsch, neun – nein, Freund – Friend). Не было звука, передаваемого на письме с помощью буквы «u» с умлаутом, было чистое «i», нередко «i» долгое (Brueder – Brieder, muede – miet, duenn – tinn, Stueck – Stick). Зачастую «o» в середине слова звучало как «ou» (Hof – Houf, gross – krous, Hose – House). Уменьшительный суффикс «chen» заменялся мягким «e» (Madchen – Matje, Grosschen – Kroussje, Robchen – Ropje). По Дингесу, кроме Екатериненштадта, на этом диалекте говорили ещё в трёх сёлах: Боаро, Урбахе и Иосте, все они – на левобережье Волги.

2. Родители отца

Деда звали Фридрих Ритчер (Friedrich Ritscher). Родился он в 1878-ом году. Предки его происходили из города Хамма (Hamm)*, находящегося в округе города Вормса (Worms) исторической земли Рейн-Гессен (Rein-Hessen). Документы, германские и российские, сохранили для потомства некоторые имена. Чтобы поколенная роспись их была нагляднее, присвоим им порядковые номера, начиная от самого старшего из известных предков.

1. Ханс Ритцер (Hans Ritzer), родился в 1600-ом году в городе Хамме, и его жена Элизабет, о которой других сведений нет.

2. Ханс Якоб Ритцер, Хамм, 1627-ой год, и Барбара Вебер, место и год рождения неизвестны.

3. Иоганнес Ритчер (Ritscher), Гернсхайм (населённый пункт в 10 километрах от Хамма), 1673-ий год, и Анна-Катарина Эйп (Eyp), Хамм, 1686-ой год.

4. Иоганнес Георг Ритчер, Хамм, 1714-ый год, и Элизабет Фейс (Feys), 1717-ый год.

5. Иоганнес Георг Ритчер, Хамм, 1737-ой год, и Маргарита Биттель, Хамм, 1739-ый год.

Иоганн-Генрих и Анна Ридель.
гор. Екатериненштадт, 1900-й год.

Фридрих и Софья Ритчер
с детьми Иваном, Фридрихом
и Робертом.
гор. Екатериненштадт, 1910-й год.

Александр, Фридрих и Генрих Ридель.
гор. Екатериненштадт, 1913-й год.

Иван, Ольга и Мария Ридель.
гор. Екатериненштадт, 1915-й год.

6. Рудольф Ритчер, Хамм, 1759-ый год, и Элизабет Шадель, Айх (Eich, населённый пункт в 5-ти километрах от Хамма), 1763-ий год.

7. Иоганнес Ритчер, Айх, 1783-ий год, и Барбара Хёрштрас (Hoerstrass), Айх, 1792-ой год.

Эта супружеская пара перебралась из Айха снова в Хамм, где в 1815-ом году у них родился сын

8. Адам-Рудольф Ритчер.

Именно он положил начало моим российским предкам, эмигрировав в 1841-ом году в составе небольшой группы земляков в Россию. Он направлялся в один из очагов немецкой колонизации, называемый Grunau Gebiet, - это в районе города Мариуполя. Здесь 25-ти семействам переселенцев (из них 15 были из его родных мест: Хамма, Айха и Иберсхайма) предстояло основать новую колонию - Мариенфельд. Рудольф должен был стать одним из них. Однако свершиться этому суждено не было. Вскоре по прибытии на место он познакомился с торговцем из Поволжья Адольфом Бремом (Brehm), выходцем из его родных мест. Брем оценил хорошую грамотность и смышлёность молодого человека и взял его себе в помощники. Они вместе уехали в Екатериненштадт, где в 1843-ем году Рудольф женился на дочери своего хозяина Агате-Луизе Брем, 24-х лет от роду. В 1844-ом году у них родился первенец

9. Рудольф-Иоганнес Ритчер.

В 30-летнем возрасте он женился на местной девушке Констанции Штайнвальд (Konstanz Schteinwald), 1854-го года рождения, дочери ремесленника Фридриха Штайнвальда. 15 ноября 1878-го года у них родился сын

10. Фридрих Ритчер. Это был мой дед.

Родители его богатства не нажили, однако дали ему возможность окончить школу 2-ой ступени, и это образование вкупе с природными способностями позволили деду не заниматься ни ремеслом, ни крестьянским трудом, ни тем более подёнщиной. Он стал писарем и долгое время был писарем волостной управы в селе Унтервальден.

Профессия деда требовала от него одинаково хорошего знания и русского, и немецкого языков, во всяком случае, в объёме, достаточном для исполнения далеко не простых обязанностей волостного писаря. Официальное делопроизводство в то время требовалось вести только на русском языке, для переписки же и оформления неофициальных бумаг в немецкой среде использовался родной язык, к тому же не простой латинский, а более сложный готический шрифт.

Умер дед Фридрих молодым, в 1914-ом году во время операции аппендицита, видимо, сильно запущенного.

Мать отца звали Софья Генриховна Геннинг (Henning), родилась она в 1882-ом году, замуж за деда вышла в 1903-ем году.

Её предками, переселившимися из Германии, были Иоганнес Готтфрид Генниг и его жена Мария Шмидт. В 1765-ом году они были обвенчаны в городе Рослау и в том же году прибыли в Поволжье. Город Рослау не был их родиной,

туда они заявились из каких-то других мест Германии. Ни об этих, ни о других предках по этой линии сведений не имеется.

У Фридриха Ритчера и Софьи Геннинг было четверо детей: три сына и одна дочь, старшим был мой отец.

Передо мной фотография 1910-го года. На ней – молодые дед с бабкой и трое их сыновей. У деда – небольшие твёрдо смотрящие глаза, невысокий лоб, густые тёмные назад зачёсанные волосы, усы. Одет он в чёрный костюм-тройку, белую рубашку со стоячим воротником и светлым галстуком. Баба Соня в белой кофте с высоким воротом и длинными рукавами, в длинной чёрной юбке с широким поясом. У неё высокая пышная причёска, она выглядит напряжённее, чем дед, и глаза чуть испуганные. Старшие мальчики – в тёмных костюмчиках с большими белыми пристёгнутыми воротниками Семья как семья, всё чинно и прилично. Но говорила про деда мне мать, что был он пьяницей, что и умер-то он только потому, что перед операцией основательно выпил. Может быть, оно так и было, но на фотографии (а это его единственное у меня изображение) в его облике на это и намёка нет. Однако, если судить по тому, что вдове он не только не оставил никакого состояния, но и объявились вдруг кредиторы с его долговыми расписками и потребовали расчёта, отрицать это утверждение вроде бы и не приходится.

После смерти мужа баба Соня распродала, что было возможно из имущества, расплатилась с долгами, устроила сыновей у брата и сестры, а сама с грудной дочерью на руках уехала в Саратов и нанялась санитаркой в клинику доктора А.Л. Грасмика. Там проработала она до конца гражданской войны (клиника была превращена в госпиталь), после чего вернулась в родной город.

В 20-х годах Софья Андреевна (формально, конечно, – Генриховна) вышла замуж за Ивана Ивановича Эрфурта, с которым и прожила до конца своих дней. Сначала они жили в Марксштадте, а в 1934-ом году перебрались в Энгельс, где им была выделена квартира в так называемом соцгороде – новом микрорайоне.

В сентябре 1941-го года Софью Андреевну и Ивана Ивановича выслали в Красноярский край, а через 4 месяца отправили в Дудинку, за полярный круг. Там определили их в рыболовную артель, в которой им было поручено выполнять хозяйственную работу: содержать в порядке барак, стирать одежду, готовить пищу на всю артель. Было очень трудно, но всё-таки им повезло: там они были сыты и не испытали тех унижений, которым подверглось большинство немцев.

В 1950-ом году, когда Софье Андреевне было уже 68 лет, им разрешили уехать из Дудинки, и они с Иваном Ивановичем перебрались на Алтай к дочери, Софье Фёдоровне Кальхерт. В её семье и жили они в дальнейшем.

Умерла Софья Андреевна в 1970-ом году, в возрасте 88-ми лет. Похоронена в Барнауле.

3. Родители матери

Дед носил имя Иоганнес-Генрих Ридель (Johannes-Heinrich Riedel). Родился он в 1860-ом году в Екатериненштадте.

В мои молодые годы говорила мне моя мать, что в роду Риделей велась поколенная запись истории их рода со времени переселения в Россию, что она сама её читала у своего дяди Александра Риделя (видимо, её отец не очень этим интересовался). Она называла мне имена предков и даты, но всё прошло мимо ушей: кого в молодости интересуют подобные пустяки?

Много лет спустя, когда мать была уже тяжело больна, захотел я услышать тот давний рассказ снова. Но она вдруг призналась, что в своё время не записала то, что знала, понадеявшись на память, а потом оказалось, что она почти всё забыла. Из того, что она ещё помнила, складывалась такая картина.

Первым поволжским Риделем, нашим предком, был Иосиф (Joseph) Ридель, в 1766-ом году прибывший в Россию с женой и маленьким сыном 1765-го года рождения, имя которого, как и имя его матери, забылось. Место рождения и германского жительства Иосифа Риделя – город Рослау Саксонского курфюршества. В 1799-ом году родился следующий Ридель, и опять без имени. Его сына, появившегося на свет в 1828-ом году, назвали Готлибом (Gottlieb). Готлиб Ридель взял себе в жёны местную девушку, дочь ремесленника Марию Виншу (Wienschuh), у них было несколько детей, одним из которых был мой дед. Мать моя родилась в 1908-ом году, когда в живых не было уже ни деда Готлиба, ни бабы Марии; своё имя она получила в память покойной.

В книге Карла Штумпа «Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in Jaren 1763 bis 1862», которую моя кузина Светлана Сапрыгина прислала мне из Германии уже после смерти моей матери, в перечне имён переселенцев в Поволжье имени Иосифа Риделя я не нашёл. Зато там оказалась Мария Ридель, прибывшая в Поволжье в 1766-ом году из Рослау. Чтобы бы это значило?

А значить это могло многое. Первое: списки Штумпа неполны; и в этом пришлось вскоре убедиться, в них занесена в лучшем случае лишь одна четверть поволжских переселенцев. Второе: Мария Ридель – жена Иосифа Риделя, по каким-то причинам не попавшая в список. Третье: Иосиф Ридель умер в самый период переселения, и в Поволжье прибыла только его вдова. Четвёртое: никакого Иосифа Риделя в природе не было, а была согрешившая девица Мария Ридель, убежавшая в Россию от позора и уже на новом месте родившая «незаконного» младенца, получившего её фамилию и ставшего родоначальником екатериненштадтских Риделей; может быть, он-то как раз и носил имя Иосиф. Пятое, шестое… – варианты есть.

Моя кузина Нина Ридель, давно уже живущая в городе Франкентале земли Рейнланд-Пфальц, тоже озаботилась этой проблемой и обратилась в архивы города Рослау. Оттуда ей сообщили, что в книгах записи переселенцев в Россию в 1763-67-ом годах (они сохранились!) имени Иосифа Риделя нет. Дело зашло в тупик.

Только время спустя, почти случайно, с помощью той же кузины Нины удалось кое-что из утраченного восстановить.

Начало поволжским Риделям положил Мартин Ридель, 25-летний сын мельника из баварского городка Ансбаха (Ansbach), который в 1767-ом году прибыл в Екатериненштадт с 20-летней женой Маргаритой, урождённой Экк

(Eck), и сыном Михаэлем 1765-го года рождения. Как и большинству переселенцев, ему пришлось заняться землепашеством. У Михаэля, его первенца, в 1799-ом году родился сын Иосиф. Имя жены его осталось неизвестно. У Иосифа (имя его жены также не удалось восстановить) в 1828-ом году появился сын Готлиб. Это был мой прадед. О жене его, Марии Виншу, сказано чуть выше.

Значит, Иосиф Ридель в роду всё-таки был. Но почему моя мать произвела его в родоначальники? Думаю, что я нашёл ответ на этот вопрос, и нашёл совершенно случайно. В номерах 2-81 и 1-82 альманаха «Heimatliche Weiten» был напечатан роман Вильгельма Брунгарда «Sebastian Bauer», повествующий о переселении немцев в Поволжье. Когда-то прочитал я страниц 50 и бросил: прописные истины. Недавно вернувшись к нему, я понял: рано бросил. На 110-ой странице в романе появляется новое действующее лицо. «Ich heise Joseph Riedel, – sagte er, – bin aus dem Sachsischen Land von Stadt Roslau». Надо заметить, что этот Иосиф Ридель у Брунгарда – довольно неприятный тип.

Предполагать, что моя мать романа не читала, нелепо. Но вот почему-то она со мной не поделилась, открыв этого литературного Риделя. Я заинтересовался Брунгардом и обнаружил нечто любопытное. Он материн одногодок, сын писаря из села Герцог, учился в Марксштадте, закончил сначала семилетку, потом педагогический техникум. Но и мать моя в то же время училась в этой семилетке. Ну никак не могла она не знать этого Брунгарда! Вывод из этого всего напросился сам собой: это Брунгард был тем парнем, с которым мать, как тогда выражались, «дружила» и которого «оставила с носом» (её слова), когда за ней начал ухаживать мой отец. Очень вероятно, что она что-нибудь рассказала ему о своих предках, и он вспомнил одно имя, когда писал свой роман, и вывел под ним героя явно не положительного: вспомнилась старая обида. Ну а мать, многое о своих предках забывшая, перенесла этого литературного Риделя на почву нашей реальной фамилии.

У Штумпа нашёл я ещё пятерых Риделей, прибывших из Германии в другие районы России; двоих из них звали Иосиф. Странные, надо сказать, совпадения. Но вернёмся к деду Генриху.

Иоганнес-Генрих Ридель был умным, предприимчивым и достаточно для того времени грамотным человеком. Он добрый десяток лет прослужил приказчиком – управляющим у крупного землевладельца Геннинга. В 1908-ом году сам Геннинг умер, и вдова его Терезия начала распродавать и сдавать в долгосрочную аренду доставшиеся ей в наследство земли. 150 десятин из них купил мой дед; поле это располагалось недалеко от города.

Это было время столыпинской аграрной реформы. Местная земская власть была наделена земельными участками, которые сдавались в аренду проверенным крестьянам для организации фермерских хозяйств (именно тогда в языке поволжских немцев появилось слово Utschastbesitzer, означавшее человека, сумевшего получить в аренду большой участок муниципальной земли). Земская управа пригласила деда на должность управляющего волостным земельным участком (фондом), и он исполнял эти обязанности до 1917-го года. По этой

службе в городе деда, чтобы отличить от других Риделей, называли Utschastriedel'ем.

В 1910-ом году, когда в семье было 5 сыновей и 2 дочери, дед решил строить новый дом. Предполагалось, что дом этот должен стать центром жизни всей семьи не только в настоящем, но и в будущем, поэтому в нём должны быть комнаты для каждого из сыновей, куда они могли бы привести молодых жён и жить там до строительства собственного жилья, комната родителей, девичья, гостиная, большая кухня. И дед этот дом построил. Это был большой деревянный особняк на пересечении улиц, стоявший на почти двухметровом кирпичном цоколе. Он имел Г-образную форму, на обеих выходящих на улицы сторонах было у него по семь больших окон. Высота потолков в комнатах – почти 4 метра. Во дворе были сооружены соответствующие дому надворные постройки: кладовые, летняя кухня, дровяник, конюшня, шаер, погреб. Окрашен дом был красной краской и у жителей города имел название «красный дом».

Будучи представителем, как сейчас сказали бы, среднего класса, дед старался дать хорошее образование всем своим детям. Все они после начальной школы посещали школу более высокой ступени, младшие смогли получить среднее образование – Ольга успела окончить гимназию, Иван учился в реальном училище и окончил его уже как советскую школу.

Умер дед Генрих летом 1919-го года от водянки. Похоронили его в семейном склепе, который, конечно, не сохранился: с 1941-го года смотреть за ним стало некому.

Моя бабушка Анна Фридриховна Прахт (Anna Pracht) родилась 22-го сентября 1872-го года. Замуж за деда она вышла в 1890-ом году, когда ей было 18, а ему 30 лет. У них было 8 детей: Александр родился в 1891-ом году, Фридрих (Фёдор) – в 1893-ем, Генрих (Андрей) – в 1895-ом, Густав – в 1898-ом, Ольга – в 1900-ом, Иоганнес (Иван) - в 1903-ем, Мария (моя мать) – в 1908-ом и Минна – в 1916-ом году.

Прожила она долгую и тяжёлую жизнь. Сначала всё складывалось относительно благополучно. И с мужем повезло. И из десяти рождённых ею детей только двое умерли во младенчестве, а это, по меркам того времени, много лучше среднего уровня.

Несчастия начались сразу после революции. В 1919-ом году умер муж, в 1920-ом умерла от тифа Ольга, в 1921-ом убили Ивана, а тиф унёс пятилетнюю Минну. Сама бабушка тяжело болела и в 1920-ом, и в 21-ом году и едва осталась жива. В 1924-ом году умер Александр, у которого был врождённый порок сердца. За 5 лет, с 1919-го по 1924-ый годы, семья потеряла пять человек. Вскоре пришлось расстаться и с домом, в который много сил вложила вся семья.

Эта история и доныне не совсем ясна. По рассказу моей матери, в конце 20-ых годов администрация завода «Коммунист» обратилась к бабушке как владелице дома с предложением произвести его обмен на отдельные квартиры для семей Александра, Андрея и Густава. Фёдор, обретавшийся в Покровске около власти и лучше других сознававший опасность владения крупной собственностью, настоятельно потребовал согласиться с этим предложением. Таким вот образом

семейное гнездо Риделей на улице Коммунистической, бывшей Набережной, стало общежитием заводской школы ФЗУ. Бабушка переселилась в семью Андрея, где ей была выделена отдельная комната. По словам Нины, дочери Андрея, случилось это в 1932-ом году.

По заявлению же одного из свидетелей по делу Андрея Риделя на допросе в НКВД, «после революции дом Риделей был национализирован, а остальное хозяйство они успели продать». То есть в конце 20-х – начале 30-х годов дом этот собственностью бабушки уже не был, а принадлежал государству. Мне думается, что так оно и было, а мать моя и кузина ошибаются. Нина сообщила мне также, что она и её сестра Эрика были в июне 1989-го года в Марксе, и дом ещё стоял – в нём было устроено несколько квартир; а при приезде через год обнаружила, что его уже снесли. Значит, дедов дом простоял 80 лет.

С 1936-го года начались новые потрясения. Сначала арестовали зятя – моего отца, в семье которого бабушка тогда жила. В ноябре 1937-го года арестовали Андрея и в том же месяце расстреляли; о расстреле никому: ни жене, ни матери, как тогда и водилось, не сообщили. В 1938-ом году арестовали Фёдора, через год выпустили умирать от чахотки, в последней стадии которой он находился. Бабушка уехала в Покровск ухаживать за ним: жена его оставила. Вскоре не стало и его. Из 8-ми её детей в живых оставалось только двое: Густав и моя мать.

Пришёл 1941-ый год. В Сибирь отправлены почти все родные: сын, снохи, 11 внуков, все родственники из Прахтов. Бабушка осталась в семье моей матери, которую в Сибирь не сослали как жену русского, за которого она перед этим вышла замуж. Из всех выселенных родных уже перед самой смертью, в 1956-ом году, дал ей Бог радость увидеть сына, который после снятия комендатуры сумел приехать в Красноармейск из Новосибирской области.

С 1940-го года до самой своей смерти бабушка жила в нашей семье. Последние 20 лет жизни она страдала ревматизмом, передвигалась с трудом, только с палкой, и практически не выходила за пределы двора.

Верующей она, как я считал, не была, однако иллюстрированная Библия, напечатанная готическим шрифтом, у неё имелась. Однажды я спросил, что изображено на одной из картинок Библии, она стала рассказывать мне историю Иосифа, и я помню, что всё понял. Но я никогда не видел, чтобы она Библию читала. Скорее всего, она делала это в одиночестве, ведь вокруг были одни атеисты. И старенькие очки у неё были.

Невзгоды и болезни переносила она стоически, без жалоб и стонов, тем более демонстративных; была во всём непритязательна и сохранила от прошлого единственную слабость – к кофе. Когда иссяк небольшой довоенный запас натурального кофе (он хранился в 800-грамовой бутылке и расходовался буквально по зёрнышку), она перешла на эрзац: из ячменя, цикория, желудей.

Умерла бабушка Анна 28-го июня 1957-го года, похоронена в городе Красноармейске.

Глава вторая

Отец

Во всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник.

А.С. Пушкин

Мой отец, Иоганнес Фридрихович Ритчер, родился в селе Унтервальден 29-го декабря 1904-го года (11-го января 1905-го года по новому стилю). Он был старшим сыном в семье Фридриха и Софьи Ритчер. Потом на свет появились Фридрих (Фёдор) – в 1906-ом году, Роберт – в 1908-ом и Софья – в 1914-ом.

Село Унтервальден (русское название – Подлесное, имелось и второе немецкое, менее употребительное название – Майнгард) расположено на левом волжском берегу, таком же высоком, как и в Екатериненштадте. Оно основано в 1767-ом году как одна из 27 колоний барона Кано де Борегарда. По числу жителей среди немецких материнских колоний Унтервальден считался небольшим селом (в 1912-ом году там проживало 3600 человек), но при этом он был волостным центром Николаевского уезда Самарской губернии.

Детство отца было таким, каким оно было у большинства немецких детей в сельской местности (то, что отец его – писарь, роли не играло): с ранним приобщением к домашнему труду (корова, свинья, козы, куры и огород были обязательной составляющей жизни), вознёй с младшими братьями, со строгостью родителей, с обязательным соблюдением всех религиозных установлений. Но зато Волга вносила в их жизнь такие радости, о каких дети из глубинки могли только мечтать: купание, рыбалка, катание на лодках. Сюда надо прибавить то непередаваемое удовольствие, которое каждый человек испытывает при наблюдении за жизнью реки: пассажирскими пароходами, грузовыми баржами, влекомыми маленькими пароходиками-катерами, огромными плотами сплавного леса или просто за тем, как бесконечно течёт вода. А чего стоят вечера на Волге, когда всё затихает, скрывается в сумерках противоположный берег, начинают плескать крупные лещи и сазаны, а вода такая тёплая, и на берегу весело играет огонёк небольшого костерка. Такие впечатления остаются с человеком на всю жизнь.

В Унтервальдене отец пошёл в школу и проучился там 2 года. После смерти отца в 1914-ом году мать определила его в семью своей сестры Анны Бельц, у которой и своих детей было трое, все девочки: Берта, Мария и Люси. Они жили в Екатериненштадте, там отец продолжил учёбу и в 1916-ом году завершил курс своего общего образования – 4 класса начальной школы.

Молодожёны. Иван Ритчер и Мария Ридель, 1927-й год.

Иван Ритчер с женой. 1936-й год, незадолго до ареста.

Борис Вильгельми, 1-й секретарь канткома комсомола. Марксштадт, 1924-й год.

Б.Ф. Вильгельми, 1970-й год.

Участники комсомольской конференции, гор. Марксштадт, 1924-й год.

Работники кантонного отдела милиции, гор. Бальцер, 1927-й год.

Участники расширенного пленума кантонного совета, гор. Бальцер, 1928-й год.

Иван Ритчер и Василий Шмелёв
гор. Марксштадт, 1925-й год.

Александр Вебер, 1965 год.

У каждого в детстве есть друзья, у кого больше, у кого меньше. Я не знаю имён всех друзей отца, до меня дошли только те, что зафиксированы в протоколах допросов его. Но о допросах – это дальше.

Известные же мне друзья его детства – это Борис Вильгельми, одногодок и одноклассник, с которым он подружился в 1914-ом году, а также Константин Гладилин и Василий Шмелёв, с ними он сошёлся несколько позже, в 1916-ом году.

В октябре 1917-го года партия большевиков совершила государственный переворот и захватила власть в стране. В провинцию же эта власть пришла не сразу, а позднее, в начале 1918-го года, в частности, в Екатериненштадте это случилось в марте. Большевистская же организация была создана только во второй половине года, когда с фронтов явились солдаты, часть из которых оказались большевиками. Несколько позже, чем в других местах России, оформилась и молодёжная коммунистическая организация – комсомол. Первые разобщённые комсомольские ячейки в Екатериненштадте были созданы в середине 1919-го года, но объединились они в областную организацию только в сентябре.

Первыми руководителями областного комсомола были Альфред Шютц и Александр Лоос, а в числе первых городских комсомольцев были Ольга и Иван Ридели, старшие брат и сестра моей матери. В том же 1919-ом году отец, которому было неполных 15 лет, вместе со своими друзьями Вильгельми, Гладилиным и Шмелёвым тоже вступили в комсомол.

Подробности. А.Шютц и А.Лоос.

Шютц Альфред Эдуардович (1900-1920 годы), сын саратовского аптекаря, уроженца Екатериненштадта, убеждённого социалиста, студент медицинского факультета Саратовского университета. В 1918-ом году пошёл служить в ЧК, вместе со своим отцом принимал участие в подавлении Варенбургского крестьянского восстания («кулацкого», по тогдашней терминологии). Участник 1-го съезда комсомола в Москве, организатор комсомольской организации Немецкой автономной области. В декабре 1919-го года добровольно ушёл на фронт, был зачислен политрабатником в немецкую кавалерийскую бригаду. Убит в бою в феврале 1920-го года.

Лоос Александр Александрович (1900-1937 годы), организатор комсомольской ячейки на заводе Шеферов. После ухода на фронт Шютца и до 1926-го года – первый секретарь Немобкома комсомола. Затем заведующий отделом агитации и пропаганды Немобкома партии и одновременно главный редактор газеты «Nachrichten». В 1934-ом году написал историю создания большевистской организации в РНП, в которой в угоду официальной легенде умышленно исказил эту историю. На момент ареста в 1936-ом году из обкома был уже изгнан и работал директором Немгосиздата. В феврале 1937-го года из Саратова его отправили в Москву, там он был помещён в тюрьму НКВД и расстрелян 25 июля 1937-го года.

Чем они там занимались? Учились военному делу, чтобы по первому требованию советской власти уйти на фронт – и уходили, и погибали там: Альфред Шютц и Иван Ридель, например. Помогали большевистской власти во всех её делах, и добрых, и дурных. Занимались политической агитацией, антирелигиозной пропагандой, а девушки - ещё и созданием женских союзов и детских садов. Разоблачали врагов новой власти – а врагами, то есть недовольными этой властью, было чуть ли не большинство населения. Несли культуру в массы, точнее – им казалось, что несут культуру, хотя сами не владели и её элементами. В

деле отца прочитал я, что вместе с Гладилиным участвовал он в «Синей блузе». Это ещё что такое? Пришлось смотреть в энциклопедию. Читаю: «Синяя блуза» – в 20-ых годах в СССР – жанр агитационно-театрального представления, составленного из литературных монтажей, обозрений, сценок, хоровых и танцевальных номеров, основанных на газетном материале и острозлободневных фактах, отражающих производственную и общественную жизнь, международные события». Варлам Шаламов характеризует короче: «Куцый жанр газетных передовиц, пересказанный на театральном жаргоне». Первые коллективы «Синей блузы» организовал в Москве Борис Южанин (Б.С.Гуревич), двадцатилетний футурист. Через 3 года в стране было 400 таких коллективов; в синеблузном движении участвовали Маяковский, Третьяков, Кирсанов, Юткевич; начал выходить журнал «Синяя блуза».

Значит, один из таких коллективов был создан и в Марксштадте. Парень из себя видный (а там и девушки были, ещё и хорошенькие), отец не мог пройти мимо этого действа, к тому же и политически начинённого. А если учесть, что в силу своего характера испытывал он тягу к внешним эффектам, к трибуне, к ораторству, то миновать участия в синеблузных спектаклях он никак не мог.

В конце 1919-го года отец был принят курьером в местную Чека (областное управление Чрезвычайной комиссии РСФСР по борьбе с контрреволюцией, бандитизмом и т. д.), которую возглавлял А. Дотц.

Подробности. Александр Дотц.

Дотц Александр Иванович (1890- после 1967-го годы). Солдат 1-ой мировой войны, вернувшийся домой большевиком, по профессии – слесарь. В 1918-ом году с небольшой группой единомышленников участвовал в установлении советской власти в Екатериненштадте, стал первым председателем городского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С 1919-го года – председатель областной ЧК и член президиума Областного совета Немкоммуны. Был одним из наиболее ретивых исполнителей указаний Москвы о реквизиции хлеба у крестьян, чем вызвал довольно резкий протест некоторых других большевистских лидеров автономной области. В 1920-ом году по решению ЦК ВКП (б) в числе некоторых других особо рьяных сторонников жёсткой политики был удалён из Немповолжья и направлен в Азербайджан. Там он работал с Кировым, потом был переведён на Украину, из Украины – в Грузию. С 1931-го года – за границей: в Германии, Уругвае, Аргентине как представитель «Союзпромэкспорта». С 1935-го года – в Москве, начальник одного из главков «Союзпромэкспорта». Арестован в начале 1941-го года, после полуторагодичного содержания в тюрьме отправлен на высылку в Сибирь. Уже в старости сумел возвратиться в Москву. В 1967-ом году был ещё жив.

Как могло случиться, что 15-летний подросток был принят, пусть только курьером, но куда – в ЧК? Скорее всего, он был рекомендован комсомолом, хотя не исключено, что всего лишь по знакомству семьи Бельц, в которой отец жил, с самим Дотцем или его заместителем. Этот шаг в биографии отца, на первый взгляд совсем пустяковый, в какой-то мере определил его дальнейшую судьбу, пусть косвенно, но определил.

В 1921-ом году отец в комсомоле сблизился с Виктором Шенфельдом, Иваном Мазером, Виктором Штайгервальдом. Чуть позднее в Марксштадте появился некий Циляско, эмигрант из Германии, молодой коммунист, которого пристроил при горкоме партии его секретарь Г.Шнайдер. Вокруг Циляско

образовалась какая-то особо активная группа местных комсомольцев, среди которых были и мой отец, и Вильгельми, а также Владимир Дизендорф и Александр Вебер.

Подробности. Циляско.

Когда я впервые встретил эту фамилию, она показалась мне какой-то надуманной для немца. Но нет, оказалось, что такой был на самом деле. Попалась мне фотография 1933-го года, на которой запечатлены преподаватели и студенты одного из курсов филологического факультета Немпединститута. На обороте перечислены фамилии, и среди преподавателей, в одном ряду с А.Дульзоном, В.Фукс-Леонтьевой и Я.Мартенсом, обнаружил я этого К.Циляско. Даже ничего не зная о нём, я был уверен, что вряд ли он со своей биографией мог пережить 1937-ой год. Недавно набрёл в Интернете на воспоминания некоего Копелянского Даниила Григорьевича, который в 30-ых годах учился в Москве в школе имени К.Либкнехта (в ней учились дети политэмигрантов и некоторых крупных советских деятелей, в частности, артистка Ольга Аросева). Этот Копелянский пишет: «Осенью 1934-го года так называемый актив старшеклассников собрался у нового директора школы Циляско, прибывшего к нам из Республики немцев Поволжья…». Копелянский подтверждает моё предположение «о трагической судьбе Циляско».

Я не случайно останавливаюсь на комсомольской деятельности отца и его друзей. Во-первых, это была среда, в которой он вращался. Во-вторых, эти молодые люди, придя в первые послереволюционные годы в комсомол, в большинстве своём потом прошли через фронты гражданской войны, отряды ЧК и ЧОН, и те из них, что остались живы, уже через несколько лет стали занимать многие ключевые позиции в органах власти. И не только на низовом уровне, становясь секретарями канткомов партии, председателями и заместителями председателей кантисполкомов, руководителями предприятий, но и на уровне республиканском: в аппарате обкома партии, центрального исполнительного комитета и совнаркома республики. И именно это поколение подверглось массовым репрессиям в 1936-38-ом годах.

Подробности работы отца в ЧК мне неизвестны. Но я уверен в его способностях и энергии и убеждён, что он не так уж долго был курьером и уже не позднее конца 1921-го года был привлечён к оперативной работе. Косвенное подтверждение этой мысли – в его армейской службе. Призвали его досрочно весной 1923-го года, когда областная ЧК, ставшая уже не ЧК, а ГПУ, была переведена в новую столицу – город Покровск. В войска его не отправили, а оставили в городском военкомате на должности инструктора по работе с допризывниками. Следовательно, его хорошо знали и в горвоенкомате, и в горкоме партии. Значит, у него была хорошая репутация, вселявшая уверенность, что он успешно справится с делом, ему поручаемым.

Есть фотография 1925-го года, на которой отец снят вместе с В.Шмелёвым. Он в военной форме, и на петлицах его отчётливо видны «кубики», знаки отличия лейтенанта или младшего политрука, если применить более позднюю терминологию. Отбывая армейскую службу таким вот образом – без выезда из дому, отец продолжал принимать участие в городских комсомольских делах, был членом городского комитета РКСМ.

В моем архиве, что в основном достался мне от матери, есть вырезка из газеты «Neues Leben»; даты на ней нет, но по косвенным признакам – это начало

шестидесятых годов. На ней – репродукция фотографии делегатов комсомольской конференции Марксштадтского кантона 1924-го года. Много ставших знакомыми лиц: Борис Вильгельми, Виктор, Пётр и Екатерина Шенфельды, Василий Шмелёв. Там же и отец в военной форме, на голове – буденовка. Мне ещё раз придётся обратиться к этой фотографии, но об этом – позднее.

В 1925-ом году отец вступил в партию. Её тогдашнее название – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), сокращённо ВКП (б).

* * *

Демобилизовавшись из армии летом 1926-го года, отец уехал в Бальцер, куда незадолго до этого был направлен на работу Вильгельми, тоже недавно вступивший в партию. Вряд ли отец поехал туда без рекомендаций, потому что сразу был принят на работу в кантком партии инструктором (лектором-пропагандистом) отдела агитации и пропаганды.

В Бальцере отец встретил некоторых своих марксштадтских друзей и знакомых: Борис Вильгельми – инструктор в том же отделе канткома партии, Иван Мазер – военком, Генрих Лайзер – первый секретарь канткома, Александр Глейм – председатель кантисполкома. Обрёл он здесь и новых знакомых. Заведующим отделом агитации и пропаганды, его непосредственным начальником, был Иосиф Влударчик, 26-летний доктор философии, уроженец Вены, политический эмигрант. Управляющим Бальцерским филиалом Наркомтяжпрома республики был Валентин Суппес, управляющим делами кантисполкома – Адольф Гензе, прокурором – Всеволод Лавров, заведующим кабинетом политпросвещения – Филипп Шультайс, председателем кантонного отделения Рабоче-крестьянской инспекции – Иосиф Вагнер, бывший военнопленный из Австрии.

Предварительно побывав на полуторамесячных курсах пропагандистов в Покровске, отец приступил к работе. Значительную часть времени он вынужден был находиться в сёлах кантона, этого требовала его должность лектора-пропагандиста.

Для тех читателей, которым не выдалось изучать историю КПСС, необходимо сделать небольшое отступление, чтобы охарактеризовать политическую обстановку в стране и объяснить смысл понятий «троцкизм» и «троцкисты», которые волей-неволей придётся довольно часто употреблять.

Подробности. Троцкизм и троцкисты.

Ещё при жизни Ленина, а тем более после его смерти, в верхах партии, а это значит – страны, шла непрекращающаяся борьба за власть, в конце концов вылившаяся в противостояние между Сталиным и Троцким. Борьба эта рядилась в одежды идеологических разногласий, и каждый из претендентов на верховную власть доказывал, что именно его трактовка путей построения социализма в СССР является истинно марксистской и истинно ленинской. Воззрения противной стороны при этом подвергались резкой критике в бытовавшей тогда в партийных кругах и пошедшей ещё от Ленина манере навешивания ярлыков и грубых выпадов, доходящих до откровенной брани. И Сталин, и Троцкий – каждый имели своих сторонников, более убеждённых и открыто действовавших в верхах партийного и государственного аппарата, и менее разбирающихся в сущности разногласий – в низах. Разногласия в линиях Сталина и Троцкого были скорее формальными, нежели существенными, в конце концов, всё оказалось чисто по

Гейне: «Купец-христианин отличается от купца-иудея не больше, чем одна свинья отличается от другой».

В 1925-ом году стало ясно, что группировка Сталина одерживает верх. Теперь для утверждения своего влияния она получила возможность использовать и использовала весь пропагандистский аппарат партии и государства, а в скором времени – и карательный. Быть троцкистом стало опасно, и многие из них поспешили отмежеваться от своего лидера и перейти на сталинские позиции. Открыто верной Троцкому осталась лишь часть Центрального комитета партии, значительно его влияние было в Ленинграде, где правил Зиновьев. Небольшие группы его сторонников были и на местах. Надо ещё учитывать, что в низах партии было достаточно её членов, никогда не объявлявших себя троцкистами, но недовольных действиями партийных властей, ибо в этих действиях на самом деле было много такого, что вызывало раздражение не только у рядового обывателя, но и у этой партийной массы. Они в какой-то мере поддерживали троцкистов в конструктивной части их критики, и за эту поддержку потом тоже получили клеймо троцкистов и поплатились наравне с троцкистами «идейными».

Своеобразная ситуация сложилась в Бальцере ко времени приезда туда отца. Генрих Лайзер, первый секретарь канткома партии, был открытым сторонником Троцкого. Естественно, что при нём канткомовские работники тоже непрочь были пофрондировать, но уж, конечно, им и в страшном сне присниться не могло, к чему это может привести в будущем. А им хотелось показать, какие они современные, умные и смелые. Больше всего Лайзера поддерживали Влударчик и Гензе, близок к ним, но осторожнее, был Вильгельми, остальные – то так, то этак. Конечно, долго это продолжаться не могло.

В конце 1926-го года Лайзер за откровенный троцкизм был отстранён от должности, и на его место был назначен А.Вельш, проверенный сталинист. Он немедленно снял с работы Влударчика, понизив его до рядового инструктора, а Вильгельми после основательной проработки, наоборот, повысил, назначив на место Влударчика заведующим отделом. Это, кстати сказать, подтверждает высказанную профессором А.Германом мысль, что вопреки сложившемуся у нас стереотипу отношения к тому времени, в конце 20-х годов всё было далеко не так однозначно, как стало потом, и собственное мнение члену партии всё ещё позволялось иметь. Иначе рассуждая, действия Вельша в отношении Вильгельми понять нельзя. Да и Влударчика вскоре опять повысили, назначив заведующим кантонным отделом народного образования (КОНО).

Подробности. Вельш.

Вельш Адам Андреевич (1893-1937 годы). Из семьи крестьянина-бедняка, общее образование – начальное. С 1908-го года начал работать батраком, с 1910-го – грузчиком. С 1914-го по 1917-ый годы – в действующей армии на Турецком фронте. Член РКП (б) с 1918-го года. По возвращении с войны в Поволжье – активный участник революционных событий. С 1918-го по 1923-ий годы - на различных должностях: член Зельманской уездной ЧК, уездный военком, председатель Зельманского уездного совета рабочих и крестьянских депутатов. В 1923-ем году направлен на учёбу в совпартшколу, после окончания которой занимал должности 1-го секретаря Мариентальского и Бальцерского канткомов ВКП (б). С 1928-го года – на руководящих республиканских постах: заведующий отделом по работе в деревне Немобкома ВКП (б), нарком земледелия, председатель ЦИК и СНК республики. В марте 1936-го года получил очередное повышение, став 1-ым секретарём Немобкома партии. При нём в республике была развёрнута беспрецедентная кампания массовых арестов и расстрелов. В августе 1937-го года и сам Вельш сначала был снят с должности, потом арестован и приговорён к расстрелу. В те годы это было так часто: злодей и жертва – в одном лице.

В стране же напряжение нарастало. Троцкистов, действительных и мнимых, стали снимать с должностей, а немного позже и исключать из партии. Они приутихли, в большинстве своём перестали открыто выступать и, только собираясь в узком кругу в неофициальной обстановке, продолжали отводить душу в разговорах – перешли на уровень «кухонной оппозиции».

Такая группа «кухонных оппозиционеров» сложилась и в Бальцере. Входили в неё Вильгельми, Мазер, Влударчик, Лавров, Гензе, Суппес, мой отец и ещё несколько человек, фамилии которых никому ни о чём не говорят. Собирались они чаще всего на квартирах людей семейных: то у Суппеса, то у Мазера, то у Лаврова. Нет оснований представлять их заговорщиками. Критический дух жив в любой мыслящей среде, особенно в среде молодёжной. А они все были молодыми людьми 22-х – 27-ми лет, сближение их было предопределено: город небольшой, все они – соратники по работе в кантонном эшелоне власти, большинство – выходцы из Марксштадта. Собирались они в нерабочее время, да и не специально для политических разговоров. Встречи эти носили, выражаясь языком следственных протоколов, «семейно-бытовой характер»: в карты поиграть, выпить при случае, заодно, конечно, и о политике поговорить и косточки перемыть тем, кем были недовольны, в частности – Вельшу.

Потом эти встречи назовут «подпольными сборищами членов контрреволюционной троцкистской организации». В деле отца зафиксирован целый ряд таких «сборищ»: на пасху и 1-го мая 1927-го года – на бальцерской квартире у Суппеса, а в августе – на его квартире саратовской; в том же году – по поводу приезда в город «партизана» Скороходова; в 1928-ом году они стали регулярными – на квартире у Мазера «под видом игры в преферанс», как трактовалось потом в НКВД, хотя, конечно, это было не «под видом», а для игры.

Подробности. Скороходов.

Григорий Скороходов – командир военного отряда, направленного в 1921-ом году Саратовским ревкомом на борьбу с так называемыми «бандами Вакулина-Пятакова». Повстанцы, активно поддерживаемые крестьянами и русских, и немецких сёл, осадили Бальцер, но взять его не смогли: в городе находился сильный гарнизон – свыше 700 бойцов под командованием К. Фаренбруха, в том числе 200 кавалеристов. Скороходов со своим отрядом ударил с тыла, Фаренбрух – из города. Блокада Бальцера была прорвана, и вскоре в уезде была восстановлена советская власть. За действия в тылу восстания отряд Скороходова получил название партизанского, а сам Григорий Скороходов был произведён в революционные герои города Бальцера.

А в стране борьба с оппозицией Троцкого приобрела новый размах. Ещё в октябре 1926-го года Троцкого вывели из состава Политбюро партии. После этого сторонники его в Центральном комитете партии и в госаппарате предприняли открытое выступление с так называемой «платформой 83-х», обвиняя Сталина и его окружение в узурпации власти, бюрократизме, искривлении ленинской линии, непартийном поведении по отношению к своим революционным соратникам. Один из этой группировки, Фрумкин, отправил в ЦК партии и лично Сталину письмо с развёрнутым изложением этой «платформы». Письмо это было

размножено в подконтрольной троцкистам типографии в Ленинграде и нелегальными путями отправлено во многие партийные организации страны.

Подробности. Фрумкин.

Фрумкин Моисей Ильич, большевик с дореволюционным стажем. В годы гражданской войны занимал крупные должности, связанные со снабжением Красной армии продовольствием и обмундированием, потом - ответственные должности в Наркомате внутренней торговли. Окончил Институт красной профессуры, готовивший высшие преподавательские и пропагандистские кадры партии. В 1927-ом году занимал пост заместителя наркома внешней торговли, после событий с письмом опять переведён в Наркомторг с понижением. На момент ареста в 1937-ом году был там членом коллегии. Расстрелян в 1938-ом году.

А что в Бальцере? В Бальцер летом 1927-го года из Покровска по направлению наркомата просвещения республики приехал Виктор Шенфельд и был оформлен на должность заместителя заведующего в КОНО, где заведующим тогда был Влударчик. В.Шенфельд был из тех, кто не только не скрывал своих троцкистских взглядов, но и активно отстаивал их. Естественно, он сразу влился в ту группу партийной молодёжи, в которую входил мой отец.

В июне этого же года на учёбу или на повышение был отправлен секретарь канткома комсомола Фердинанд .Мерц, а на его место назначили отца. Подобные назначения оформлялись, конечно, как избрание, но это была только формальность. Но у него были другие планы: он собирался поступать в саратовский Комвуз и комплектовал для этого документы. Это должны были быть рекомендации партийных и комсомольских органов кантона и республики. Он поехал в Покровск, но что-то у него не получилось, ему по каким-то причинам отказали.

Подробности. Комвуз.

Комвуз (правильно – Коммунистический университет) – высшее партийное учебное заведение в СССР. Первый из них был основан в 1919-ом году в Москве. В 1924-ом году в Советском Союзе было уже 40 центральных, республиканских и губернских комвузов, один из них – в Саратове. В Энгельсе Комвуз был открыт в 1931-ом году. В комвузах готовили не только партийные, но и советские, и хозяйственные кадры для высшего эшелона власти.

В сентябре 1927-го года в Бальцере произошло передвижение кадров. В областные органы был переведён Александр Глейм, председатель кантисполкома, на его место был назначен его заместитель К.Кромберг, на место Кромберга – начальник милиции Г.Шмидт, а на место Шмидта назначили отца. Ему было тогда неполных 23 года. Рекомендовал его на эту должность А.Глейм.

Подробности. А.Глейм.

Глейм Александр Яковлевич (1892-1954 годы), уроженец Екатериненштадта. Учился в реальном училище, но не закончил его – сбежал в Туркестан. Был там чернорабочим, слесарем. С 1913-го года – в армии, участник боевых действий на Западном и Турецком фронтах. В 1917 году возвратился в Немповолжье, вступил в Красную гвардию, а в августе 1918-го – в РКП (б). Был начальником уездной милиции Ектериненштадта, помощником областного военкома. В 1924-27-ом годах – председатель Бальцерского кантисполкома, потом – на высших должностях в РНП, с 1934-го года – первый секретарь обкома партии. Снят с должности через год специальным

решением ЦК ВКП (б) и отправлен в Хабаровский край заведующим одним из отделов крайкома партии. В 1937-ом году арестован по делу, возбуждённому в РНП, осуждён на 8 лет и отправлен в Ухтпечлаг. После освобождения жил в Коми АССР, где и умер.

В конце октября отец женился. Матери моей было в ту пору 19 лет, она только что окончила в Покровске среднюю школу с кооперативным уклоном. Он обратил на неё внимание в 1925-ом году в один из приездов в город (семью Риделей он знал: Иван и Ольга были комсомольскими активистами), но она тогда была ещё школьницей. Летом 1927-го года они встретились вновь, и вскоре отец увёз её в Бальцер. Им выделили жильё в большом кирпичном доме на Немецкой улице. Дом этот, кстати сказать, стоит и поныне, только основательно перестроен; в нём располагается вневедомственная охрана районной милиции.

В сентябре того же 1927-го года В.Шенфельд привёз из Покровска в Бальцер копию письма Фрумкина, которое пошло по рукам молодёжной компании: от Шенфельда – к Гензе, от Гензе – к Влударчику, а Влударчик постарался дать его почитать и другим, в том числе Мазеру и отцу. Как всё это было на самом деле, установить невозможно, ибо на допросах в НКВД потом все об этом эпизоде рассказывали по-разному, и каждый старался убедить следствие, что именно он-то как раз письмо и не читал. Я возьму за основу версию отца, хотя, хорошо это или плохо, его рассказу на следствии я тоже не полностью верю. По его словам, он шёл из канткома партии, и по дороге встретился ему Влударчик, который сказал, что у него есть «интересный документ троцкистской оппозиции», и предложил его тут же прочесть. На улице отец его читать не стал, предложив сделать это у него в кабинете в милиции. Они расстались. Придя в милицию, отец сообщил о письме Шмидту (предал дружка, выходит), а тот Кромбергу. Кромберг дал отцу указание, чтобы он тут же сообщил ему, как только Влударчик придёт с этим письмом. И когда Влударчик пришёл, отец сразу позвонил в кантисполком (прямо при Влударчике?), в кабинет заявились Шмидт и Кромберг и забрали это злосчастное письмо.

О случившемся доложили Вельшу. В тот же день было собрано заседание бюро канткома, на котором из партии были исключены Влударчик, Шенфельд и Гензе. Других членов их компании на заседание не пригласили и не тронули. Чуть позднее при схожих обстоятельствах в Покровске исключили из партии несколько человек, в том числе Г.Лайзера, который не унимался и активно выступал на партийных собраниях в поддержку Троцкого и с критикой сталинской линии.

Надо сказать, что по прошествии некоторого времени большую часть исключённых в партии восстановили. Правда, перед этим они должны были во всеуслышание покаяться в своих «грехах». Но не Влударчика. Того вообще после этих событий сняли с должности, а другой не дали. Он, по его словам, почти год ходил без работы и решил уехать на родину, в Австрию. Видимо, слухи о его намерениях распространились дальше Бальцера (в Бальцере, по словам отца, «об этом знали все»), потому что вскоре, в конце 1928-го года Тиде, уполномоченный ОГПУ в городе, получил из Покровска указание арестовать Влударчика и переправить к ним. В дальнейшем он из-под ареста был освобождён и в Вену всё же уехал. Молодёжная компания к тому времени тоже распалась. Первым уехал

Суппес, весной 1928-го года взяли в армию Вильгельми и отправили служить в Гомель, уехали в Покровск Шенфельд и Мазер. Отец продолжал работать в Бальцере до 1929-го года.

В романе Герхарда Завацкого «Wir selbst», о котором уже шла речь в очерке о городе Бальцере, одним из действующих лиц является начальник кантонной милиции по фамилии Рупель. Вот цитата:

«Hinter dem Tisch sass ueber irgendein Aktenbundel geneigt der Militzscheff selbst.

— Genosse Hart sagte mir, ich sollte mal zu Ihnen kommen, - meldete Heinrich.

Rupel sah auf. «Hu, muss der aber streng sein», - dachte Heinrich. Ihm war es nicht einerlei, als er die dichten, fast zusammengewachsenen Augenbrauen und energisch aufeinander gepressten Lippen des jungen Mannes sah…».

Прототипом этого Рупеля стал мой отец, с которым учитель, а потом журналист Завацкий встречался не раз и когда они оба работали в Бальцере, и позже, уже в Покровске. Когда читаешь в романе, с какими подробностями выписывается, например, обстановка в кабинете начальника милиции: тяжёлый письменный стол на толстых, выточенных на токарном станке ногах, массивные бронзовые часы, такого же фасона чернильный прибор – чувствуешь, что всё это взято с натуры, видено своими глазами. Правда, сам Рупель получился каким-то ходульным, схематичным, очень уж правильным.

* * *

В августе 1929-го года отец получил повышение по службе: его назначили заместителем начальника республиканского ГПУ, ответственным за работу милиции. У меня нет документальных свидетельств о каких-либо конкретных его делах того времени, ничего интересного не могла рассказать и моя мать. Представить себе хотя бы общую картину помогли книги профессора А.Германа.

Положение в республике, как и во всей стране, было крайне сложным, и в первую очередь в силу того, что началась насильственная коллективизация крестьянских хозяйств. Последствия этого стали проявляться немедленно. Парадокс: в республике, основным занятием населения которой являлось производство продуктов питания, в городах и крупных кантонных центрах введена нормированная выдача хлеба: рабочим и служащим – по 600 граммов в день, членам их семей – по 400, остальным по 300, крестьянам и членам их семей – ничего. И это – в мирное время, да ещё при том, что торговля хлебом на рынке преследовалась как незаконная и купить без карточек, просто за деньги, даже самую малость было невозможно. В то же время московский центр в самой категорической форме требовал увеличения поставок продуктов питания государству, в том числе и для отправки на экспорт.

В это же время разворачивается беспрецедентная антирелигиозная кампания: закрываются и разрушаются церкви, преследуются и священнослужители, и простые прихожане, пытающиеся соблюдать религиозные установления и выполнять обряды.

Одновременно началось немыслимое по жестокости действо – «раскулачивание» зажиточных крестьян, при котором у них отбиралось всё имущество, а сами они с семьями: с детьми, со стариками, с женщинами – выселялись в северные районы, в Сибирь и Казахстан.

Крестьяне противились этой политике власти. То там, то тут вспыхивали отдельные, а то и массовые выступления их, подавить которые зачастую удавалось только силой. Такие выступления были, например, в декабре 1929-го – январе 1930-го годов более чем в 30-ти сёлах правобережья, в Каменском и Франкском кантонах. Крестьяне освободили арестованных односельчан, забрали из колхоза своё имущество, возвратили отобранное добро «кулакам». Для подавления этих выступлений использовались не только силы ОГПУ, но даже регулярные войска. Конечно, привлекалась для этого и милиция. Характерно восстание в селе Мариенфельд Каменского кантона. Восставшие разгромили сельский совет, разогнали партъячейку, вступили в бой с милиционерами, которые хотели арестовать зачинщиков. Восстание было подавлено вооружённым отрядом ОГПУ, было репрессировано 60 человек. Шум этот дошёл до Москвы, властям Немреспублики пришлось объясняться. С трепетом в сердце задаю себе вопрос: а где в это время был он, мой отец?

В феврале 1930-го года республиканское управление ОГПУ докладывало партийному руководству, что «на территории республики за 1929-ый год выявлено и ликвидировано 9 кулацко-повстанческих и контрреволюционных групп, арестовано 476 человек». В феврале-апреле 1930-го года из республики ушли 4 эшелона с раскулаченными, в которых принудительно в Сибирь, на Север, в Казахстан было отправлено 915 семей (5600 человек). И опять с не меньшим трепетом задаю я себе всё тот же вопрос: а чем в это время был занят ты, мой отец?

Если судить по тому, что через год работы в новой должности отец удостоился награды от коллегии ОГПУ Саратовского края – именного пистолета системы «Коровин», то был он на хорошем счету. Однако последовавшее в июне 1930-го года событие вносит немалое сомнение в мысль о высокой оценке его служебной деятельности в ОГПУ: его отправили на учёбу в Москву, в Центральную высшую школу милиции. В те времена нередки были случаи, когда номенклатурных работников, деятельность которых не удовлетворяла начальство, не снимали с работы с треском, а отправляли на учёбу – а там видно будет. Н.С.Хрущёв в своих воспоминаниях писал, что из-за этой практики Промышленная академия, где он учился, была полна троцкистов. Может быть, и с отцом так было? Получи, мол, коль должность занимал, своего «Коровина», да и отправляйся с глаз долой. По мне – лучше так.

От московского периода осталась фотография. На петлицах гимнастёрки отца буквы ВКУАР – аббревиатура Высших курсов усовершенствования административных работников (административные органы – это и есть милиция). В Москву родители поехали вместе, снимали там комнату. Из лиц, с кем отец в этот период общался, известен мне только Эрнст Брюггеман, двоюродный брат

матери, офицер из полка, что стоял в Немповолжье; он учился (повышал квалификацию) на престижных военных курсах «Выстрел».

Окончил отец ЦВШМ с успехом, о чём свидетельствует доныне живой добротный портфель из тиснёной кожи, к которому прикреплена латунная табличка с надписью: «Курсанту Ритчер И.Ф. за хорошее окончание ЦВ школы милиции. 1/ VI-1931 г.» Хотя на табличке стоит дата – 1-ое июня, но приехал отец в Покровск 4-го мая и через неделю выехал в Донбасс, где пробыл полтора месяца. Чем он там был занят, неизвестно, но командирован туда он был не Покровском, а Москвой.

* * *

По возвращении отец был назначен начальником Управления милиции АССР НП и в начале июля 1931-го года приступил к работе в этой должности. Было ему в ту пору 26 с половиной лет.

В Покровске (с 31-го октября 1931-го года он стал называться Энгельсом) собрались многие бывшие сослуживцы, знакомые и друзья отца. Демобилизовавшийся из армии Вильгельми работал в Союзе работников просвещения, Вебер – в обкоме комсомола, Суппес – в Наркомтяжпроме, бывшие руководители Марксштадтского и Бальцерского кантонов занимали руководящие должности в верхнем эшелоне власти: в обкоме партии, Центральном исполкоме, Совнаркоме, наркоматах.

За год отсутствия отца положение в республике практически не изменилось. Продолжалось «раскулачивание» и высылка «кулаков» за пределы республики. Только в июле и августе 1931-го года было выселено в Казахстан 13 тысяч человек. Устанавливались невыполнимые планы сдачи зерна, усиливался нажим на крестьян. По-прежнему вспыхивали волнения в сёлах, и волнения эти жёстко, если не жестоко, подавлялись. Опять нормировался отпуск хлеба, население балансировало на грани голода. В нестабильной обстановке, с одной стороны, активизировались и настоящие криминальные элементы, с другой стороны, на нарушение законов шли люди, в нормальной ситуации на это никогда бы не решившиеся. Так что милиции хлопот хватало, а её ещё и систематически привлекали на проведение карательных акций против собственного трудового народа. Это была та обстановка, в которую отцу пришлось с головой окунуться.

Жили они с матерью в небольшом доме в центре города. С детства большой любитель рыбалки, отец пристрастился ещё и к охоте, завёл собаку, чёрно-белого ирландского сеттера по кличке Нора (Северная, значит). И компаньоны были: материн старший брат Фёдор, те же Вильгельми и Суппес, родные братья Фёдор и Роберт, изредка приезжавшие в столицу. Жаль только, что времени на эти забавы было совсем мало.

Со входом Республики НП в Саратовский край все её органы вошли в подчинение органов краевых. Отношения отца с начальником краевой милиции не сложились и с течением времени становились всё более и более натянутыми. Он вёл себя слишком независимо, восставал против полного подчинения и

мелочной опеки. В этом он находил поддержку у руководителей республики: первого секретаря обкома партии Х.Горста и председателя ЦИК А.Глейма. Но в июне 1932-го года Горста сняли с должности, и на его место был назначен Е.Фрешер, работник крайкома партии. Политика отца не нашла у него поддержки, начальник краевой милиции воспользовался этим. Конфликт дошёл до Москвы. Отец, человек самолюбивый и гордый, не захотел играть той роли, которая ему отводилась, и обратился к руководству милиции СССР с просьбой перевести его в другое место.

Вопрос так и был решён. Его направили в распоряжение начальника милиции Казахской АССР. Там сложилась острая нужда в кадрах. Казахстан только что был поделён на 6 огромных по территории областей, куда требовалось большое количество начальников всех сортов и рангов. Проработав всего год начальником милиции РНП, отец бросал родные края и уезжал в края неведомые. Произошло это на исходе лета 1932-го года.

В Алма-Ату родители выехали кружным путём: сначала пароходом до Самары, потом поездом через Уфу – Челябинск – Омск до Новосибирска, потом другим поездом через Барнаул – Семипалатинск до Алма-Аты. Судя по всему, какая-то часть строившегося тогда Турксиба (Туркестано-Сибирской железной дороги) ещё не была готова, иначе можно было бы добраться короче: Саратов (Энгельс) – Уральск – Актюбинск – Казалинск – Арысь – Алма-Ата. Со слов матери, поездка заняла целую неделю.

В Алма-Ате отец получил назначение на должность начальника управления милиции Актюбинской области. Область занимала тогда территорию нынешних Актюбинской, Кустанайской, Тургайской и части Кзыл-Ординской областей, но при этом считалась самой промышленно неразвитой в Казахстане. Разработка небольшого золотоносного месторождения в Джетыгаре, строительство фосфоритового комбината в Алге, слабо развитое земледелие на севере области и кочевое скотоводство на всей остальной территории – вот и все её тогдашние достоинства. В Актюбинске проживало 50 тысяч человек.

Мать рассказывала, что в актюбинский период работы отец часто и надолго уезжал: то с инспекторскими поездками по области, то во главе конного отряда на борьбу с бандитами. Сейчас приходится раздумывать, что это были за бандиты? Конечно, это на самом деле могли быть уголовные элементы, разбойничавшие в степи, жертвами которых становились и оседлые жители, и кочевники-казахи. Но не исключено, что это могли быть и не желающие признавать советской власти и выступавшие против неё местные жители, которых тоже тогда начали объединять в колхозы, лишая их привычного уклада жизни и традиционных представлений о добре и зле.

На след одной инспекторской поездки отца я натолкнулся в 1959-ом году. После окончания института я был направлен на работу в Карабалыкский район Кустанайской области. Мы с женой уже под вечер стояли на остановке в ожидании рейсового грузотакси, которое выполняло там роль автобуса, и разговорились с одним из пассажиров. Из этого разговора выяснилось вдруг, что он знал моего отца и был даже его подчинённым по службе: работал тогда

начальником Фёдоровской районной милиции. Назвался он Павлом Григорьевичем Шандецким. Так вот этот Павел Григорьевич, приютивший нас на ночь, рассказал, что отец приезжал к нему из Актюбинска в Фёдоровку с группой сопровождающих верхом на лошадях. Я потом посмотрел по карте, прикинул расстояние – 700 километров. Многие страны не знают такого, а тут – в пределах одной области.

В начале 1933-го года отец получил отпуск, и они с матерью поехали на курорт в Пятигорск. По пути назад они заехали на родину. Кроме того, что побывать там хотелось ради встречи с родными, было у отца там ещё одно дело, вызывавшее у него беспокойство. Однажды зимой 1931-го года пришёл к нему Борис Вильгельми и попросил у него револьвер. Отец удивился: «Зачем он тебе?» «Для самозащиты», – сказал тот и пояснил, что его направляют в один из кантонных центров с заданием не только неприятным, но и опасным – закрыть церковь. Отец по дружбе сделал то, чего делать не следовало: дал ему казённый браунинг, не оформив это официально. Вильгельми тогда пистолет почему-то не возвратил, и отца теперь это тревожило. Однако и на этот раз вернуть его не удалось: Вильгельми работал тогда 1-ым секретарём Франкского кантона партии, довольно далеко от Энгельса. Отец попросил сделать это одного из своих бывших сослуживцев – Ивана Резнера. Допустил когда-то он и ещё одну подобную оплошность: отдал свой именной «Маузер-2», очередную награду от ЦИК РНП, брату Фёдору, работавшему тогда фельдъегерем в Зельмане. Зачем – непонятно, тому оружие и по штату было положено.

В 1934-ом году отца назначили начальником областного управления милиции Карагандинской области. Тогдашняя Карагандинская область была совсем не то, что нынешняя в суверенном Казахстане. Она охватывала территории современных Северо-Казахстанской, Кокчетавской, части Акмолинской (ныне Астанинской) и части нынешней Карагандинской областей. Перевод этот был явным признанием заслуг и достоинств отца: в петлице у него появился второй ромб, его наградили грамотой ЦИК Казахской АССР «за успешную перестройку работы органов милиции».

Центр области находился в городе Петропавловске, сама же Караганда как главный город богатейшего угольного района только что начала строиться. В промышленном отношении область в республике считалась лидирующей.

У области к тому времени сложилась ещё одна особенность: она была сделана чуть ли не самым крупным в СССР местом ссылки многих категорий советских граждан, признанных властью враждебными ей и опасными для неё. Сюда попадали и крестьяне-«кулаки», и представители «бывших», и неблагонадёжные интеллигенты, и члены ставших неугодными большевикам социалистических партий, а то и просто принудительно вывезенные из родных мест по произволу властей люди вроде тех 15 тысяч польских и немецких семей, которых выбросили из Украины в 1936-ом году. И хотя официально контроль за ссыльными должны были осуществлять органы госбезопасности, на деле многие функции возлагались на милицию, и это, конечно, влияло и на численность милицейских органов, и на ответственность их руководителей перед властью.

И ещё. Уже тогда был создан ставший потом печально известным Карлаг (Управление Карагандинских исправительно-трудовых лагерей) с центром в Долинке, в 60-ти километрах от строящейся Караганды. По свидетельству профессора-экономиста С.Д.Шипова, арестованного в 1931-ом году по так называемому «делу Трудовой крестьянской партии», уже в 1933-ем году в Карлаге было около 31-ой тысячи заключённых. И опять: сам лагерь находился, конечно, под контролем ГУЛАГа НКВД, но надзор за всем, что его окружало, как сейчас сказали бы – инфраструктурой, возлагался на милицию.

В декабре 1934-го года в Ленинграде был убит С.М.Киров, возглавлявший обком и горком партии и бывший к тому же ещё и секретарём ЦК ВКП (б). Организаторами убийства были объявлены троцкисты. После этого началось всё возрастающее преследование тех членов партии, которые когда-то подозревались в связях с троцкистами, причём эта кампания приобретала всё более зловещий размах, превратившись в массовое избиение кадров, достигшее своего апогея в 1937-38-ом годах.

В 1934-ом году в Советский Союз вновь приехал Вл ударчик. Отъезд его из Австрии был вынужденным, там он не преминул принять участие в выступлении шуцбунда, и после его разгрома, опасаясь ареста, не придумал ничего лучшего, чем вернуться в СССР.

Подробности. Шуцбунд.

Шуцбунд (шутцбунд, немецкое Schutzbund – союз обороны) – в Австрии в конце 20-х - начале 30-х годов военизированное формирование социалистов, в том числе и коммунистов. В феврале 1934-го года они организовали выступления против правительства канцлера Дольфуса, шуцбунд при этом был их ударной силой. Мятеж был подавлен, шуцбунд разгромлен, его командир, отставной майор Александр Эйфлер – расстрелян. Некоторые участники выступления сумели эмигрировать в Чехословакию, Швейцарию, Америку, около двухсот человек выбрали СССР.

Почти сразу же Вл ударчик был арестован, больше года его держали в тюрьме, а в 1935-ом году Военная коллегия Верховного суда СССР осудила его на 5 лет концлагеря по статье 58 пункт 4 – оказание помощи буржуазному государству(!).

1935-ый год был для моих родителей годом увеличения семьи. Мать моя долго не беременела, и это было предметом беспокойства и её, и отца. Возвратившись в Поволжье из Москвы в 1931-ом году, родители в Марксштадте обратились к доктору Т.Грасмику. Он уверил их, что у матери всё в порядке, и она будет рожать. Он не ошибся. Первая беременность у матери оказалась неудачной, вторая протекала нормально. Когда пришла пора рожать, родители почему-то решили, что это лучше делать на родине. Отец взял отпуск и повёз жену в Энгельс. Там 15-го августа родился их первенец, названный Альфредом. Назад они ехали вчетвером: кроме новорождённого, в их семью вошёл ещё один член – бабушка Анна Фридриховна Ридель.

Пришёл 1936-ой год. Отец продолжал работать в Петропавловске, заслужил ещё одну награду: ЦИК Казахстана удостоил его знака «15 лет Казахской АССР»,

своего рода ордена домашнего разлива. Когда в 1935-ом году проводилась переаттестация работников НКВД и милиции как подчиненного ведомства, отцу присвоили звание старшего майора.

Подробности. Звания и знаки различия.

Знаки различия в армии, а также в НКВД и милиции представляли собой закрепляемые на петлицах эмалированные символы: треугольники – для низшего командного состава, квадраты («кубики») – для младшего, прямоугольники («шпалы») – для среднего и ромбы – для высшего комсостава. В НКВД были следующие звания: сержант – 2 «кубика», младший лейтенант – 3, лейтенант – 1 «шпала», старший лейтенант – 2, капитан – 3, майор – 1 ромб, старший майор – 2, комиссар 3-го ранга – 3, комиссар 2-го ранга – 4, комиссар 1-го ранга – 4 ромба и звезда. Звания в НКВД были на 2 ступени выше, чем в армии: лейтенант приравнивался к армейскому капитану, капитан – к полковнику и так далее. Звания в милиции соответствовали званиям в НКВД.

А в Республике немцев Поволжья в это время раскручивалась вакханалия поисков «врагов народа», причём органы НКВД, и сами излишне ретивые, и подстёгиваемые московским начальством, уже не удовлетворялись разоблачением отдельных «врагов». Им, как и тем, в Москве, хотелось вскрывать целые их организации, да ещё чтобы эти организации были как можно многочисленнее. Коль скоро настоящих врагов не было, их приходилось выдумывать, арестовывать невиновных, навешивая им всевозможные ярлыки: меньшевики, троцкисты, вредители, фашисты, национал-уклонисты. «Троцкистов» было больше всего.

В начале 1936-го года начали арестовывать тех партийцев, которые ранее исключались из партии как сторонники Троцкого. Аресты были и прежде, но единичные, в основном тех, кого после исключения в партии не восстановили. Среди арестованных был и Борис Вильгельми. Помимо прочего, на поверхность была вытащена бальцерская история с письмом Фрумкина. В Энгельсе откуда-то было известно, что Влударчик арестован и осуждён в Москве, и Вильгельми на допросах представил его как главного распространителя этого письма. Так же, кстати сказать, сделал и Иван Мазер в 1935-ом году, когда после ареста Влударчика ему пришлось письменно объяснять в НКВД степень своего участия в этом деле, но он обвинил ещё и моего отца.

В мае 1936-го года в Саратовское управление НКВД из лагеря был доставлен Влударчик. 22-го мая его привели на допрос. Допрашивали его двое: заместитель начальника УНКВД Саратовского края И.Сосновский и замначальника особого отдела УНКВД В.Далингер. Участие в допросе такого важного чина, каким был Сосновский, само по себе говорит о том, что от Влударчика ожидалось получение каких-то очень важных сведений.

Подробности. Сосновский, Далингер.

Сосновский Игнатий Игнатиевич, настоящая фамилия Добржинский (1897-1937 годы), поляк. Служил в царской армии в офицерском чине. После революции – в польской армии, в конце 1919-го года заброшен в Россию как нелегальный резидент разведки. В 1920-ом году был разоблачён и перешёл на службу в ВЧК (это он стал прототипом Игнатия Казимировича Стеф-Стопанского в одном из романов Ю.Семёнова про Штирлица – «Бриллианты для диктатуры пролетариата»). За выдачу польской разведывательной сети награждён орденом Красного Знамени. Участвовал в операциях против Савинкова и против Рейли. В Саратовский край прибыл

в январе 1935-го года с должности заместителя начальника особого отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) СССР. Причина его перевода в провинцию понятна: пришедший в НКВД в 1934-ом году Г.Ягода разгружал центральный аппарат от ставленников Дзержинского и Менжинского. Имел звание комиссара ГБ 3-го ранга.

Далингер Вальдемар Фридрихович (1902-?). Участник гражданской войны, затем в органах ГПУ-НКВД в Калмыкии, Астрахани, потом – в Саратове. В 1936-ом году назначен начальником УНКВД РНП. Вместе с 1-ым секретарём обкома Вельшем организовал разгром кадров республики. В августе 1937-го года назначен председателем Совнаркома республики. В июне 1938-го года снят с должности и отправлен в Пермь заместителем директора треста «Уралзападлес», вскоре стал его директором. О дальнейшей судьбе сведений не имею.

Мне удалось прочесть протокол допроса Влударчика. Конечно, он отредактирован, как это делалось обычно, да и ответы в главной своей сути подсказаны. На вопрос, что ему известно «об организации контрреволюционной троцкистской деятельности в РНП и Саратове», Влударчик якобы ответил так: «Однажды Шенфельд мне сказал, что есть контрреволюционная троцкистская организация, руководимая в Саратове Раковским, а в Энгельсе Косиором, которые были тогда в ссылке». Вот они, первые фамилии: Раковский и Косиор, но эти нужны не местным чекистам, а Москве. Влударчик продолжает: «В Энгельсе я встречался с Косиором, и он мне сказал, что их контрреволюционные троцкистские взгляды разделяют многие коммунисты, и назвал фамилии Лайзера, Гензе, Шенфельда, Вуевича, Лелевича. Также он сказал, что им сочувствуют Вельш, Люфт, но открыто свои взгляды выражать боятся. «Моя встреча с Косиором убедила меня в наличии в Республике НП и в Саратове активно действующей контрреволюционной организации». Из названных на этот раз лиц только Лелевич – ссыльный из Москвы, остальные свои. Но какие! Вельш и Люфт – руководители республики. Потом он назвал ещё два десятка человек, среди которых были бывшие и настоящие высшие партийные функционеры И.Шваб, А.Лоос, Курц, Густи, Кениг, Фукс – это в Энгельсе, а среди бальцерских, кроме названных уже Шенфельда и Гензе, были Мазер, Лонгрин, Киппес, Книппенберг, Ульрих; к симпатизирующим отнёс он Вильгельми, Вестера, Кунцмана и моего отца, причём, история с письмом Фрумкина была запротоколирована очень тщательно.

После этого допроса фальшивомонетчики из Саратовского УНКВД произвели Влударчика в организаторы и руководители «обширной контрреволюционной троцкистской организации». В члены её, кроме некоторых прочих, были зачислены и все его соратники по работе в Бальцере.

Подробности. Раковский, Косиор и другие.

Раковский Христиан Генрихович – профессиональный революционер с 90-х годов 19-го века, активный социал-демократ. После октябрьского переворота – в высшем эщелоне большевистской власти, крупный чин в Коминтерне. В некоторых вопросах политики поддерживал Троцкого. В 1927-ом году отправлен в ссылку в Астрахань, в 1929-ом переведён в Саратов. Позднее возвращён в Москву. Арестован в начале 1938-го года в связи с делом о так называемом «антисоветском правотроцкистском блоке», был осуждён на 20 лет тюрьмы. В сентябре 1941-го года расстрелян по заочному приговору.

Косиор – это один из братьев Станислава Викентьевича Косиора, первого секретаря ЦК компартии Украины. Все три брата были репрессированы: старший расстрелян в Москве, младшие погибли на Колыме.

Люфт Генрих Александрович в то время был председателем Совнаркома РНП.

Шваб, Курц, Густи, Кениг, Фукс – так называемая «старая гвардия», все стояли у истоков советской власти в Немповолжье, все были в составе первого правительства АССР НП, сформированного в начале 1924-го года.

Лелевич (Кальмансон Лабори Гилелевич) – один из наиболее злобных лидеров РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), организатор травли Есенина, Клюева и Клычкова. В ссылку в Энгельс попал как активный троцкист. В 1937-ом году арестован и расстрелян.

Начались аресты, допросы. В июне назвал отца среди троцкистов-двурушников Шультайс, в том же июне – Мазер, опять, как и в 1935-ом году, обвинив отца в том, что именно он чуть ли не насильно заставил его, Мазера, идти в КОНО к Вл ударчику и читать там письмо Фрумкина.

После показаний Вл ударчика, Шультайса и Мазера Саратовское УНКВД заинтересовалось и отцом. Как минимум 7-го июля органы уже были заняты его розыском. Этим числом помечен характерный документ:

«Начальнику УНКВД РНП
капитану госбезопасности Деноткину

Рапорт

На днях я был в кабинете у т. Знаменского и слышал, как он кому-то по телефону давал справку, где находится Ритчер, т. е. бывший начальник УРКМ НП, причём он указал Уральск.

Последний раз я встречал Ритчера в Москве, и он говорил мне, что работает начальником областного управления РКМ в гор. Актюбинске, а не Уральске.

Считаю обязанным сообщить, что в 1931-ом году Ритчер хотел пригласить на работу в милицию в качестве лектора по истории ВКП (б) троцкиста Вильгельми, исключённого из партии за контрреволюционную троцкистскую деятельность.

Кроме того, Ритчер при укомплектовании штатов в органах милиции препятствовал приёму лиц не немецкой национальности, мотивируя это потребностью в воспитании национальных кадров. Могу это отнести к националистическому уклону.

Зам. Начальника УРКМ РНП
Фрис 7/ VII-36 г.»

Я ничего никогда не слышал об этом Фрисе, но донос его сам за себя говорит о его нравственных качествах.

Аресты в это время шли полным ходом. Кроме «организации», во главу которой чекисты определили Вл ударчика, в республике шли аресты «членов» другой, более крупной «организации», руководителем которой был объявлен Д.Д.Павлов, бывший второй секретарь обкома партии. В этой «организации», естественно, и «члены» были солиднее, чем у Вл ударчика: работники обкома партии, совнаркома, центрального исполкома, наркоматов.

Подробности. Павлов.

Павлов Дмитрий Дмитриевич (1902- 1937-ой годы) в 1922-28-ом годах работал в ЦК ВЛКСМ СССР, потом недолго был первым секретарём ЦК комсомола Украины.

Снятый с должности за связь с троцкистами (Л.Шацкиным, О.Рывкиным и другими руководителями ЦК ВЛКСМ), он уехал к родителям в Саратов. Здесь он вскоре был назначен секретарём одного из райкомов партии. В июне 1932-го года по рекомендации Е.Фрешера, назначенного первым секретарём Немобкома, стал вторым секретарём. В 1934-ом году переведён в Таджикистан заведующим сельхозотделом республиканской компартии. В 1936-омгоду он был там арестован и доставлен в Саратов. Расстрелян.

Арестованных относили к той или другой «организации», группами или в одиночку давали сроки, и отправляли в лагеря. Так, 5 августа 1936-го года особым совещанием НКВД была осуждена группа из 11 человек, в числе которых были сослуживцы и приятели отца А.Лоос, И. Мазер, Ф. Шультайс, братья А. и В. Дизендорфы; всем им, кроме Лооса, дали им по 5 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). Ещё раньше были осуждены Вильгельми и В.Шенфельд. .

А на отца в это время давали показания другие арестованные. Вагнер описывал историю с письмом Фрумкина, украшая её выдуманными подробностями своей борьбы с троцкистами Влударчиком и Ритчером (не зачлось). А Гладилин просто чистосердечно рассказывал, как в 1931-ом году он и мой отец, случайно встретив на пристани в Саратове Суппеса, поехали к нему на квартиру и за выпивкой вели разговор о том о сём, в том числе и о Залуцком. Вспомнил он и о давнем своём и моего отца знакомстве с Циляско. Вскоре и Вагнер, и Гладилин были осуждены особым совещанием и отправлены в лагерь.

Подробности. Залуцкий.

Залуцкий П.А. (1887-1937 годы), член социал-демократической партии России, с 1907-го года – большевик. В годы 1-ой мировой войны, когда партийная верхушка была кто в эмиграции, кто в ссылке в Сибири, кто просто в растерянности, он практически возглавлял большевистскую партию. После октябрьского переворота – на различных партийных должностях высшего эшелона власти: в Москве, Ленинграде, на Урале. С 1928-го года находился в ссылке в Саратове, был председателем Нижне-Волжского совнархоза. Арестован в 1934-ом году сразу после убийства Кирова. Расстрелян в тюрьме в 1937-ом году.

В первой половине 1936-го года отец на три дня приезжал в Энгельс. Специально он приезжал или попутно завернул, не знаю, но полагаю, что приезд этот в первую очередь был вызван тем, что до него дошли сведения о поголовных арестах его приятелей-«троцкистов», и он, обеспокоенный этим, решил выяснить обстановку. Если это так, то ничего утешительного этот визит ему не принёс. Потом на суде об этом приезде отец сказал, что был только у родственников и знакомых никого не видел. Видел, конечно, но не стал напрашиваться на вопросы, кого же именно видел.

* * *

7 сентября 1936-го года на имя отца из Алма-Аты пришла телеграмма: «Выезжайте по вопросу назначения». Он сдал дела заместителю и уехал в столицу республики. Вызов этот на самом деле мог быть связан с назначением. Дело в том,

что 26-го июля 1936-го года решением правительства из Карагандинской области и Каркаралинского округа были образованы две области: Северо-Казахстанская с центром в Петропавловске и Карагандинская с центром в Караганде. Возможно, что отца хотели назначить в эту новую Карагандинскую область. На эту мысль наталкивает наличие среди его документов, перечисленных в протоколе обыска, железнодорожного билета Алма-Ата – Караганда.

Но совершенно не исключено, что вызов этот был связан с поступлением в Алма-Ату информации о его розыске Саратовским УНКВД, и органы решили использовать нередко практиковавшийся приём: вызвать якобы для перевода на другую работу, а потом арестовать или в дороге, или по прибытии. Так были арестованы, например, маршал Тухачевский, командарм Каширин, генерал Шахт, секретарь Северо-Казахстанского обкома Кузнецов, с которым отец работал в Петропавловске.

Подробности. Кузнецов.

Николай Семёнович Кузнецов в начальный период репрессий давал НКВД санкции на арест подозреваемых органами работников. Потом, в середине 1937-го года, его начали одолевать сомнения: откуда в заштатном Петропавловске взялось столько врагов? Он лично занялся проверкой работы областного управления НКВД, нашёл массу беззаконий и безобразий. Он добился освобождения многих арестованных, одновременно написал пространную записку на имя Сталина и, минуя казахстанское начальство, поехал с ней в Москву. С трудом добился он приёма у Сталина, но тот разбираться с ним не стал и велел обратиться к Маленкову, который как секретарь ЦК курировал работу НКВД. Маленков тоже не стал его выслушивать, дал совет возвращаться домой и отправить письмо официально, фельдъегерской связью (!). Когда Кузнецов приехал в Петропавловск, он узнал, что его переводят в другую область. Он выехал в Алма-Ату, там его арестовали и отправили в Москву. Ему предъявили кучу обвинений, но он всё отрицал. Ему не давали спать 8 суток, пока он не потерял сознание. Но и после этого он ничего не подписал ни на себя, ни на других. 17 лет он провёл в лагерях, освободили его в 1954-ом году. До предела разочарованный во всём, в первую очередь – в людях, он уехал в какую-то глухомань, служил лесником и занимался пчеловодством.

В Алма-Ате отца поселили в отеле для избранных – гостинице Дома советов. Факт этот свидетельствует, что на первых порах вопрос об аресте не стоял. Однако, упоминание в документах НКВД того факта, что в номере у него были изъяты копии объяснительных записок на имя начальника Казахстанского УНКВД Залина и начальника милиции республики Пака, говорит о том, что какие-то явно не пустяковые претензии ему предъявлялись. Конечно, утверждать, что это были обвинения политического характера, нельзя; возможно, что эти объяснения касались чисто служебных дел.

Подробности. Залин.

Залин Лев Борисович (1897-1940 годы), настоящее имя Левин Залман Маркович, литовский еврей. До революции окончил гимназию, работал учителем в частной школе.

В первые годы после октябрьского переворота – на разных мелких должностях в Курске и Москве, затем – на подпольной работе в Литве. В 1919-20-ом годах служил в Красной армии. В органах ВЧК – ГПУ – НКВД начал службу с апреля 1920-го года. Занимал различные должности как в центральном аппарате, так и на губернском уровне; в частности, был начальником отделения контрразведывательного отдела ГПУ, зам. председателя ГПУ Белоруссии, зам. председателя ОГПУ Средней Азии, наркомом внутренних дел Узбекистана. Начальником УНКВД Казахской

АССР был назначен в январе 1935-го года (с января 1937-го года - нарком внутренних дел Казахской ССР). В марте 1938-го года переведён в Москву. Арестован в июне 1938-го года, в январе 1940-го расстрелян. Имел звание комиссара ГБ 2-го ранга.

В конце сентября к отцу приехала моя мать, но он ей ничего не стал объяснять и выпроводил назад, в Петропавловск, на следующий же день. Этого факта достаточно, чтобы понять, что уже в те дни он опасался ареста и испугался, что заберут и её.

Арестовали его 14-го октября. Вечером он пошёл в кино с одним из своих знакомых, бывшим начальником актюбинской городской милиции Дубининым. В свой номер в гостинице он уже не вернулся. В этот день из Саратовского УНКВД в Алма-Ату пришла телеграмма, согласно которой отец подлежал аресту и этапированию в Саратов. При аресте его, как принято, обыскали, произвели обыск и в номере гостиницы, тут же допросили и поместили в следственную тюрьму НКВД. Его отправили в Саратов особым конвоем 19-го октября, доставили туда 31-го. Снова следственная тюрьма – теперь уже в подвале на улице Вольской. Под номером один в следственном деле отца подшит такой документ:

«Совершенно секретно.

Утверждаю.
Нач. СПО УГБ УНКВД
Саратовского края
капитан госбезопасности
Грицелевич
11/X-36

Арест Ритчера И.Ф. санкционирую
и. о. военного прокурора ВО
Саратовского края
(подпись неразборчива)

13/X-36

Справка

Материалами следствия по вскрытой в АССР НП контрреволюционной троцкистской организации, показаниями обвиняемого Влударчик И.И. установлено, что участником организации является Ритчер И.Ф., бывший начальник кантотдела милиции в городе Бальцер АССР НП, член ВКП (б) с 1925 года, в последнее время работал начальником РКМ Актюбинской области Казахской АССР, снят с работы за связь с троцкистами.

Материалами следствия установлено, что Ритчер И.Ф. по проводимой им контрреволюционной троцкистской деятельности был связан с Влударчик И.И., руководителем организации, Мазер, Вильгельми и другими, ныне осуждёнными за троцкистскую деятельность, а также то, что им распространялась контрреволюционная троцкистская литература. Арест Ритчер И. Ф. с ГУ РКМ НКВД согласован.

Аресту подлежит Ритчер Иван Фёдорович.

Оперуполномоченный СПО
мл. лейтенант ГБ ***Коршунов***»

С этой справки начато официальное следствие по делу отца. По её формулировке уже можно судить, что ему уготовано обвинение по статье 58 пункт 10 – антисоветская агитация (распространение контрреволюционной литературы),

притом возможно усиление этой статьи ещё и статьёй 58-11 – те же действия, совершённые в сговоре с другими лицами.

Из неё же можно понять, что в Казахстан саратовцы не обращались, а вышли на Главное управление милиции в Москве с запросом о получении согласия на арест и уточнении места службы. В Москве было зафиксировано только первое казахстанское место его работы – Актюбинск, а перевод в Петропавловск – нет. Отсюда и недостоверность информации о последнем месте работы.

А далее можно предположить такое: руководство ГУ милиции СССР связалось с УНКВД или с управлением милиции Казахстана, сообщило о данном на арест согласии и предложило им снять отца с работы и подождать, как будут развиваться события. А события развивались не спеша. Эти мои предположения как-то объясняют, почему в справку попала недостоверная информация и ту более чем месячную волынку с арестом.

Делом отца занимался 4-ый, секретно-политический отдел УГБ Саратовского УНКВД. 31-го октября, приняв отца от конвоя, сержант Гусев официально предъявил ему обвинение по статье 58-10. Одновременно была заполнена подробная анкета и сняты отпечатки пальцев – каждый отдельно и ещё группами по 4 пальца каждой руки.

2-го ноября тот же Гусев вызвал отца на первый допрос. Вот его протокольная запись:

Вопрос: Вы обвиняетесь в контрреволюционной троцкистской деятельности. Признаёте себя виновным?
Ответ: КРТД * не вёл и виновным себя не признаю.
Вопрос: Вы даёте неправдоподобный ответ. Следствие располагает данными, что вы вели КРТД. Следствие настаивает на правдивых показаниях.
Ответ: Повторяю, что я ни в каких КРТ организациях не состоял и КРТД вести не мог.
Вопрос: Кто вам известен как троцкисты?
Ответ: Лайзер, Шенфельд, Влударчик, Вильгельми.
Вопрос: Что вам известно о них?
Ответ: (Отец рассказывает историю с письмом Фрумкина)
Вопрос: Читали ли вы предъявленный вам КРТ документ?
Ответ: Прочитать я его не успел и содержания его не знаю. Слышал, что автором письма является Фрумкин, но кто он такой, мне неизвестно.
Вопрос: Вы даёте показания, не соответствующие действительности. Следствию известно, что вы не только читали, но и распространяли письмо Фрумкина среди членов ВКП (б). Говорите правду!
Ответ: Я повторяю, что КРТ документ Фрумкина я не читал и среди членов ВКП (б) не распространял.
Вопрос: Показаниями Мазера вы уличаетесь, что встретив его на улице, пригласили зайти в здание КОНО, где заведующим был Влударчик, и предложили последнему ознакомить Мазера с КРТ документом Фрумкина. Дайте показания по этому вопросу.
Ответ: Я это отрицаю. Никогда Мазеру я никаких КРТ документов читать не предлагал».

После этого следователя заменили. Следующий допрос вёл уже младший лейтенант Кулаков. Эта замена могла, конечно, ничего не значить, возможно, Гусев и не должен был продолжать дело. Но не исключено и другое: например,

руководству СПО не понравилось, что отец так категорически всё отрицает. Какие задачи стояли перед следствием? Узнать правду? Нет, конечно, правду они знали. Им нужно было, чтобы отец признал себя виновным, - это во-первых, и чтобы он назвал как можно больше «сообщников» - это во-вторых. Гусев на допросе ничего не добился: признания вины он не получил, а фамилии названы были только тех, о ком отцу известно было, что они «сидят». Кулаков вызвал отца на допрос только 17-го ноября.

«**Вопрос**: 2-го ноября вы дали неправдоподобные показания. Следствие настаивает на даче правдивых показаний.
Ответ: Я говорил правду. Никакой КРТД я не вёл (далее опять пошел разговор о письме Фрумкина и повторилось всё то, что было с Гусевым).
Вопрос: Почему вы дали согласие читать этот документ?
Ответ: Хотел узнать его содержание.
Вопрос: А для чего вам было знать его содержание?
Ответ: Из простого любопытства.
Вопрос: Вы врёте! Вы являетесь членом КРТ организации и полностью разделяли взгляды Вильгельми и Влударчика. Предложение КРТ документа вам явилось как ознакомление вас с новыми взглядами вашей организации. Подтверждаете вы это?
Ответ: Я в КР организациях никогда не состоял, КР взглядов Влударчика и Вильгельми никогда не разделял и никаких разговоров с ними на КР темы не вёл.
Вопрос: Вы читали этот документ?
Ответ: Нет, не читал.
Вопрос: Вы не только читали его, но и являетесь распространителем этого документа. Вы подтверждаете это?
Ответ: Повторяю, что я этого документа не читал и никого с ним не знакомил».

Странные испытываешь ощущения, читая эти протоколы. Следователи разные, а язык совершенно один и тот же. И арестованный почему-то говорит на их жаргоне: не «документ», а «контрреволюционный троцкистский документ», не «организация», а «контрреволюционная троцкистская организация».

Но Кулаков на этом допросе добился не большего результата, чем Гусев полмесяца назад. Видимо, стали искать они какой-то другой подход. И вот тогда, после второго допроса, в поле зрения следствия оказался Резнер.

Иван Александрович Резнер, уроженец Марксштадта, был на три года старше отца, однако в юности они, скорее всего, не знали друг друга. Познакомились они в Бальцере, где Резнер работал в милиции. С 1929-го года он уже в Покровске, и опять в милиции – подозреваю, что именно отец устроил ему туда перевод. Резнер даже стал свойственником отца: его брат Фёдор женился на сестре Резнера Анне. Когда мои родители уезжали в Казахстан, Резнер явочным порядком хотел занять их квартиру, но отец не согласился с этим и сдал её горсовету. Не исключено, что именно этот конфликт стал основой его поведения теперь, когда отца арестовали. Он почему-то в это время нигде не работал, а в семье было уже трое детей. В общем, оказался он для Коршунова и Кулакова очень удобным человеком, и он подтвердил это своим дальнейшим поведением.

22-го ноября отца вызвали на очередной допрос.

«**Вопрос**: Следствию известно, что будучи начальником республиканской РКМ в городе Энгельсе, вы давали контрреволюционерам-троцкистам оружие. С какой целью?
Ответ: (Отец рассказал, что дал пистолеты Вильгельми, брату Фёдору и судье в Петропавловске).
Вопрос: Когда оружие было возвращено?
Ответ: Оружие мне возвращено не было. У судьи оно находится и сейчас, у Фридриха было отобрано в 1934-ом году органами НКВД, а у Вильгельми я просил при приезде в отпуск из Петропавловска в 1933-ем году забрать револьвер работника милиции Резнера, и в 1935-ом году он мне подтвердил, что револьвер находится у него.
Вопрос: Значит, у Вильгельми не было разрешения на ношение оружия?
Ответ: Да, это так.
Вопрос: Зная Вильгельми как троцкиста, какое вы имели право давать ему оружие?
Ответ: Да, признаю, что права не имел».

Резнером ли подсказан был этот ход с оружием, Фрис ли поспособствовал (вспомним его донос), или другие каналы информации у них были, не знаю. Лично мне думается, что это дело рук Резнера.

В дальнейшем появляются ещё документы. 3-го декабря Петропавловский горком ВКП (б) исключил отца из партии «за контрреволюционную троцкистскую деятельность по представлению Саратовского УНКВД».

4-го декабря Кулаков вызвал Резнера и официально оформил его показания.

«**Вопрос**: Знаете ли вы Ритчера Ивана Фёдоровича?
Ответ: Да, знаю. С Ритчером знаком с 1925-го года.
Вопрос: Что вам известно о КРТД Ритчера?»

И рассказал Резнер всё, что знал, а ещё больше нагородил лжи в полном соответствии с духом, заданным следствием. Рассказал он том, что ещё в Марксштадте отец «имел близкую связь с Вильгельми, Гладилиным, Штайгервальдом, Владимиром Дизендорфом, которые все в 1928-ом году были разоблачены как троцкисты». О том, что отец в 1927-28-ом годах в Бальцере «входил в контрреволюционную троцкистскую группу, членами которой были Вильгельми, Влударчик, Гензе, Мазер, Шлегель, Суппес, Лавров, Розберг», о их постоянных «сборищах». О том, что «в 1928-ом году они выступили на партийной конференции против рекомендованных обкомом партии кандидатур в состав бюро канткома». О том, что когда ему, Резнеру, отказали в приёме в партию (а мотивом отказа был зафиксированный в его анкете факт, что в день похорон Ленина он устроил танцы, и за это был изгнан из армии) и он в разговоре с отцом посетовал на это, тот ему сказал: «Ты ищешь справедливость там, где её не было и никогда не будет». О том, что и в Казахстане работая, «Ритчер постоянно встречался с троцкистами Вильгельми, Гладилиным, Дизендорфом, Мазером и Суппесом» (хотел бы я знать, как это ему удавалось, если он в Казахстане, а они в Поволжье). И про пистолет, который отец дал Вильгельми, дело обернул Резнер так, что отец его ни о чём не просил, что Вильгельми его сам принёс, а он, Резнер, сдал его в комендатуру. Если верить протоколу допроса, то всё это было выдано

следователю единым духом, без понуканий и наводящих вопросов. Похоже, что здесь интересы сторон совпали.

Сидя в камере, отец написал жалобы на имя Пиляра, начальника Саратовского УНКВД, и Ежова, наркома внутренних дел СССР. Ответа не последовало.

Подробности. Пиляр.

Пиляр Роман Александрович (1894-1937 годы), настоящее имя Ромуальд Пиллар фон Пильхау, представитель рода остзейских баронов, из которых известны генерал-лейтенант Г.Ф. Пиллар фон Пильхау, начальник департамента военных поселений при Николае I, и барон А.Г. Пиллар фон Пильхау, депутат Государственной Думы первого созыва при Николае II.

Окончил гимназию в Вильнюсе, реальное училище в Цюрихе, военное училище в Москве. С 1914-го года – в РСДРП, с 1918-го года – большевик. После октябрьского переворота – в Ярославской губернии, на подпольной работе в Литве, в ЦИК Белорусско-Литовской республики.

В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД – с 1920-го года. Был заместителем начальника контрразведовательного отдела ОГПУ, занимал руководящие должности в ОГПУ Белоруссии, на Северном Кавказе, в Средней Азии. Начальником УНКВД Саратовского края назначен в декабре 1934-го года, переведён с должности начальника УНКВД по Средней Азии. Имел звание комиссара ГБ 2-го ранга. В 1924-ом году за участие в операции против Савинкова был награждён орденом Красного Знамени.

Арестован в мае 1937-го, расстрелян в сентябре того же года.

На очередном допросе 9-го декабря Кулаков пытается добиться от отца показаний на Суппеса и Гладилина. Отец опять всё отрицает, Кулаков выходит из себя, и это отразилось даже в протоколе:

«**Кулаков**: Вы всё врёте! На квартире у Суппеса было сборище КРТ группы, и вы обсуждали планы действий. Подтверждаете вы это?
Отец: Нет, не подтверждаю. Я никогда взглядов троцкистов не разделял, КРТД не вёл, в сборищах КРТ групп участия не принимал.
Кулаков: Вы вечно врёте! Следствию известно, что вы были членом КРТ организации, участвовали в их сборищах, занимались распространением КРТ документов. Говорите правду!
Отец: Я говорю правду и заявляю в который уже раз, что ни в каких КРТ организациях не состоял, взглядов троцкистов не разделял, распространением троцкистских документов не занимался».

И вот 29-го декабря – допрос, ставший последним.

«**Вопрос**: Вы будете давать правдивые показания?
Ответ: Я даю правдивые показания.
Вопрос: Вы обвиняетесь…(см. выше). Признаёте вы это?
Ответ: Нет, не признаю. Признаю, что дал Вильгельми револьвер, но не для контрреволюционных целей».

Тут Кулаков вытащил целую пачку «изобличающих» документов: протокол допроса Влударчика, 2 протокола допроса Шультайса, протокол допроса Вагнера, объяснительную записку Мазера 1935-го года и протокол его допроса в 1936-ом году, протокол допроса Гладилина. Лично ли он зачитывал их или дал отцу самому читать, неизвестно. Да и не важно. Чтение закончено.

«**Вопрос**: Вы изобличаетесь показаниями членов КРТ организации Влударчик, Шультайс, Мазер, Гладилина. Вам оглашены эти показания. Собираетесь ли вы изменить свои показания?
Ответ: Нет, своих показаний я менять не собираюсь. Показания указанных лиц не соответствуют действительности».

Итак, в части признаний дело отца с места не сдвинулось. Многие его «подельники» признались не только в том, что было на самом деле, но и в том, чего не было. Он отрицал всё. И тут сыграли роль два обстоятельства. Во-первых, несправедливо было бы отрицать, что он оказался твёрже духом, чем другие. А во-вторых, он был в этих делах опытнее своих приятелей и знал, что никакие признания о себе и показания на других участи не смягчают, ему уже тогда известен был принцип «никому не верь, ничего не бойся, ни о чём не проси».

31-го декабря, в последний день 1936-го года, отцу официально предъявили ещё одно обвинение – по статье 193-17 пункт «а» – в том, что « используя служебное положение, он снабжал оружием без всякого на то разрешения близко стоящих к нему людей, в том числе снабдил револьвером одного из руководителей контрреволюционной троцкистской организации Вильгельми…»

* * *

7-го января 1937-го года отцу объявили об окончании следствия и дали ознакомиться со следственным делом. В какой только мере дали ознакомиться? Было готово и обвинительное заключение, тем же 7-ым января утверждённое Пиляром.

Ознакомившись с делом, отец сразу же написал своё «Добавление к протоколу объявления об окончании следствия, в порядке статьи 206-ой УПК». Это пространный документ, написанный убористым почерком на 5-ти листах. В нём отец пытается опровергнуть те обвинения, что были ему предъявлены, свидетельские показания, с которыми его ознакомили, разоблачает клеветнические измышления Резнера. Заканчивается это «Добавление…» так:

«7) Отдельные замечания.

а) прошу к моему делу приложить копии направленных заявлений на имя …Ежова, …Пиляра, моё объяснение на имя …Залина.

б) прошу приложить к моему делу мои служебные аттестации последних пяти лет и грамоты о награждении меня …

в) следовало бы по моему делу допросить Кромберга и Шмидта, взять документы обсуждения письма Фрумкина…из Бальцерского канткома ВКП (б) и выписку из протокола чистки партии за 1929-й год.

В заключение ещё раз со всей искренностью заявляю, что я не был троцкистом, точку зрения этих предателей никогда не разделял. Я не был подлецом по отношению к партии Ленина-Сталина. Работал я честно, в меру своих физических и интеллектуальных сил человека, глубоко убеждённого в правоте и верности своего дела.

За свою ошибку – передачу Вильгельми револьвера, совершенную без всякого злого умысла, но в чём я нарушил закон нашей страны – злоупотребил своим служебным положением, я готов нести ответственность перед пролетарским судом, готов принять приговор суда со всей ответственностью за допущенную ошибку, но не как предатель той

партии, членом которой я состоял в течение 13 лет*, и тех дел, которым посвятил я себя с раннего 15-летнего возраста».

Я думаю, что умом он понимал бессмысленность своего обращения (теперь уже не к следствию, а к суду), этого своего «Дополнения». Вряд ли он не сознавал, что никто и не подумает обращать внимание на его доводы, на те несуразицы, которые были в деле и о которых он написал, а также на призывы обратить внимание на его заслуги. Но душой, как и любой другой бы в его положении, он всё-таки надеялся, что именно с ним возьмёт и случится чудо. Конечно, он не мог не использовать представленную ему возможность.

Бесполезно. Чудес не бывает. В тот же день все его просьбы были отклонены. Дело было готово для передачи в трибунал.

Вчитываясь в формулировки протоколов допросов, обращаешь внимание на их отредактированность, на их подгонку под приличную форму, установленную процессуальными нормами. Следователи вряд ли этак вежливенько обращались к обвиняемому на Вы, никто не поверит, что допрос вёлся без мата, без унижения арестованного, без шантажа и других следовательских приёмов. Ясно, что всё это было, но кто же такое заносит в протокол? Слава Богу, что в случае с отцом дело обошлось без рукоприкладства, это уже позже, в 1937-ом году пытки стали следовательской нормой. Удивление вызывает то, насколько безупречно соблюдена формальная сторона следственного дела. Всё-то у них есть и всё на месте, всё у них подписано, пронумеровано и подшито. Но речь идёт именно о формальной стороне, а не о сути. О сути речи нет. После прочтения дела остаётся ошеломляющее впечатление абсурдности происходящего: да бог ты мой, какое власти дело до того, что кто-то в возрасте 22-х лет прочитал пусть даже очень для неё, для власти, опасную книжонку, если этот человек уже 10 лет после этого служит ей, как говорится, верой и правдой! И власть это видела, и даже заслуги его отмечала.

В следственном деле отца от первой справки до обвинительного заключения – 71 лист. На документах – множество подписей, в том числе двух начальников управлений НКВД, носящих практически высшие звания (Залина и Пиляра), двух их заместителей (Володзько и Сосновского), двух военных прокуроров, целой когорты оперативных работников. И все видят, все точно знают, что обвинение – чепуха, что в лагерь пойдет безвинный. Оторопь берёт!

Следственное дело отца дало ответ ещё на один вопрос о нём, который меня интересовал: насколько грамотен он был, насколько широк был его кругозор. Мать говорила мне, что он любил читать книги: и специальную литературу, и художественную, но всегда урывками – времени не хватало. В тот московский год, когда отец там учился, по его инициативе бывали они в театрах, в том числе в оперном, в музеях, на выставках.

Но это объясняло не так уж и много и сомнений не разрешало. Когда я узнал, что он в 1927-ом году собрался поступать в Комвуз, я удивился: куда, в какой вуз с четырьмя классами? Когда же в его деле прочёл я большой, собственноручно написанный им документ, то самое «Добавление …», сомнения отпали: и написано грамотно, и стиль нормальный. Ясно, что не в начальной

школе это было получено, тут виден результат самообразования, и самообразования упорного, даже с учётом его способностей. К тому же открылось, что в камере занимался он изучением английского языка. Когда он это начал и каких успехов достиг, я не знаю, но в колымской анкете на вопрос, какими языками он владеет, он назвал немецкий, русский и английский. Меня поразило это не меньше, чем парадоксальная запись в саратовской анкете: «образование низшее, закончил высшую школу милиции».

13-го января дело отца было передано в Военный трибунал внутренней охраны Саратовской области (край к тому времени был расформирован). Однако оказалось, что сам по себе этот трибунал рассматривать его права не имеет. Дело в том, что отец по занимаемой им перед арестом должности был персонально подсуден Военной коллегии Верховного суда СССР – был такой совершенно секретный приказ наркома внутренних дел СССР от 7 октября 1934-го года. Был отправлен запрос в Москву, 13-го февраля оттуда пришёл ответ за подписью Матулевича*: судите сами, у нас, мол, и без вас работы хватает.

Пока шло время, из Алма-Аты прислали в Саратов донос на отца некоего Лютого, работника милиции из Казахстана. В нём он приписывает отцу такие слова: «Гитлер – это человек-гений, известный как гений всему миру, но не нашего, не советского склада». Вот ещё цитата оттуда же: «В том же духе Ритчер характеризовал и военного министра Германии (фамилию его я не запомнил), называл его также гением. Характеризуя Гитлера, Ритчер заявлял, что ему известны родители Гитлера как большие люди Германии». Приобщили к делу.

У отца кончилась бумага, исписался карандаш. Он дважды, 15-го и 18-го февраля, обращался к председателю трибунала с просьбой разрешить ему покупку того и другого.

Чувствуется, что он начал терять твёрдость духа, в заявлениях появляются слова «очень прошу», «убедительно прошу». Разрешение дали только 22-го февраля, за день до суда.

19-го февраля на свет появился я.

Суд состоялся 23-го февраля. 4 члена трибунала, обвиняемый Ритчер, свидетель Резнер – вот все присутствующие. Исход заседания был предрешён. Вины своей в троцкистской деятельности отец не признал и на суде, как не признал на следствии; историю же с пистолетом, отданным Вильгельми, признал своей виной, но без преступного умысла.

Суд длился довольно долго для того времени: в 10.30 председатель трибунала Чумало открыл заседание, в 14.35 суд удалился на совещание, в 15.55 был оглашён приговор:

«Совершенно секретно.

Приговор № 9 по делу № 4 / 9339

Именем Союза Советских Социалистических Республик (констатирующая часть мною опущена) суд приговорил:

Ритчера Иоганнеса Фридриховича по статье 58-10 часть 1 подвергнуть лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 5 (пять) лет без поражения в

правах, засчитать осуждённому Ритчер в счёт назначенного ему наказания предварительное заключение с 14-го октября 1936-го года и с того момента считать срок отбывания наказания.

Приговор может быть обжалован в течение 72-х часов с момента вручения выписки из приговора осуждённому путём подачи жалобы в Военную коллегию Верховного суда

СССР через Военный трибунал внутренней охраны Саратовской области.

Председательствующий
военюрист 1-го ранга ***Чумало***
Члены ***Архангельский, Зайцев***
Секретарь ***Аганов***»

После суда отца перевели в другую тюрьму, на Астраханскую улицу. На следующий день, 24-го февраля, он направил Чумало заявление (на листочке бумаги размером 12 на 11 сантиметров):

«24/ IV-37 я направил своему бывшему следователю письмо на имя моей жены. Просил бы Вас посодействовать в быстрейшем направлении этого письма и получении мною писем, имеющихся у Кулакова.

Мне кажется, что меня в начале (5-10) марта могут отправить в лагерь, и хотелось бы ещё раз увидеться со своей семьёй. Не имею уже в течение трёх недель писем от жены, а она должна родить и меня беспокоит исход родов.

Очень прошу.

24/ IV-37 г., Саратов, камера 17. (подпись отца)»

Не знаю, отдали ли ему письма матери, но ей его письмо – нет. Одно свидание им всё-таки дали на 10 минут, в присутствии охраны. Тут он узнал о моём рождении. Мать плакала, он её успокаивал: «Что поделаешь, Муся, лес рубят – щепки летят».

Кассационной жалобы он подавать не стал, понимая не только бесполезность, но и опасность этого шага.

В деле отца есть ещё один любопытный документ – это запрос, отправленный в Саратовский трибунал из Военной коллегии Верховного суда СССР.

«К 13 апреля предлагается выслать в Военную коллегию Верховного суда СССР дело Ритчера И.Ф., осуждённого приговором от 23/ II-37 г.

Член ВК ВС СССР
диввоенюрист ***Голяков***
3 апреля 1937 г.»

Был ли этот запрос рутинным актом или военную коллегию заинтересовало что-то особенное в деле отца? Не исключено, что именно интерес этот стал причиной того, что отца долго не отправляли в лагерь.

В саратовской тюрьме №1 отец пробыл до конца апреля. На его тюремном «Личном деле № 2234», ушедшем с ним по этапу, стоят штампы: «Спецлагерь», «Спецуказание», «Категория №1». Что они означают, можно только предполагать.

В левом верхнем углу лицевой страницы сделана надпись: «Рипроводить на этап», стоит чья-то подпись и указана дата – 27/ IV-1937 г. Видимо, эта дата близка к его «рипровождению».

* * *

Отцу предстояла Колыма (вот он – штамп «Спецлагерь»). Мать получила от него единственное письмо, отправленное из пересылочного лагеря, находившегося в бухте Золотой Рог, около Владивостока. Из него предстоял морской путь до Магадана и дальше.

В бассейне реки Колымы добычу золота вела организация, условно названная трест «Дальстрой». У этого треста было 3 собственных парохода, закупленных в Голландии лично его директором: «Кулу», «Джурма» и «Ягода»; этот последний несколько раз переименовывался в зависимости от того, какую фамилию носил очередной глава НКВД. В пояснительной записке к годовому отчёту треста «Дальстрой» за 1935-ый год отмечено: «приобретённые «Дальстроем» пароходы по водоизмещению и техоснащению являются наиболее крупными и быстроходными судами в гражданском флоте тихоокеанского бассейна». Видимо, самые крупные и быстроходные суда стране нужны были в первую очередь для перевозки заключённых.

Официальной датой отправки отца из пересылочного лагеря, скорее всего, нужно считать 27 июня 1937-го года. В этот день была заполнена небольшая карточка, как бы своего рода билет на пароход, на которой указаны: фамилия, имя, отчество, статья, профессия (написано – шофёр); есть там подпись отца и сделан отпечаток большого пальца. В правом верхнем углу карточки написано – пароход «Джурма».

Поставщиком рабочей силы для треста «Дальстрой» был УСВИТЛ НКВД СССР – Управление северо-восточных исправительно- трудовых лагерей (часто употребляемое сокращение – Севвостлаг). Отец туда был доставлен, согласно официальной регистрации, 6-го июля 1936-го года и помещён в сортировочный лагерь в бухте Нагаево – сейчас там город Магадан. В соответствии с литерами, стоявшими на его деле, ему предстояла только добыча золота, то есть самая тяжёлая работа. Он был отправлен на один из самых дальних, самых неустроенных приисков – прииск Берзинский Северного горно-промышленного управления, чуть позднее он стал именоваться Верхний Ат-Урях. Дата прибытия на прииск – 6-ое августа.

Подробности. Кое-что о Дальстрое.

Тогда в Дальстрое было два производственных управления, занятых непосредственно добычей золота: Северное и Южное. В Северном было только 6 приисков: Берзинский (Ат-Урях), имени 8-го марта, Партизан, Полярный, Штурмовой и Хаттыннах. В Хаттыннахе помещалась контора СГПУ.

Начальником СГПУ тогда был Ф.Д.Медведь. Это тот самый Медведь, который в 1934-ом году был начальником Управления НКВД в Ленинграде и которого после убийства Кирова Сталин сослал на Колыму – не лагерником, конечно, а управлять ими. Есть свидетельство одного вольнонаёмного спеца, которому подвыпивший Медведь объяснял суть политики советской

власти на Колыме: «Строя социализм в условиях капиталистического окружения, мы не имеем права медлить ни одну минуту, и поэтому мы не имеем возможности поддерживать и восстанавливать трудоспособность нашего рабочего контингента и вынуждены использовать его силы именно так, как мы это делаем, то есть до полного износа». И не поймёшь, чего здесь больше: политической зашоренности, притворства, глупости или откровенного цинизма.

Бараков в лагере ещё не было, только огромные палатки. Что из себя представляла работа на золоте, нужно читать у Варлама Шаламова, он в лагере это пережил и многое описал. На отцовском личном деле №122974, уже лагерном, есть графы: категория – спецконтингент, спецуказание – с/у, стоит штамп – календарно. Не знаю и гадать не хочу, что это у них значило. Точно знаю, что ничего хорошего. Отца назначили бригадиром забойщиков. Почему бригадиром? Думаю, что причиной была его прежняя служба в системе НКВД.

20-го февраля 1938-го года отца арестовали. Ордер на арест был оформлен районным отделением НКВД Северного ГПУ. В палатке произвели обыск, при этом изъяли «16 листов разной переписки и фотокарточку». До утра его продержали в карцере в Ат-Уряхе, а на другой день отправили в тюрьму Северного ГПУ, знаменитую Серпантинку, находившуюся на стане Хаттыннах, в 20-ти километрах от Ат-Уряха.

Протокол единственного допроса отца оформлен 1-го марта. Вот его текст:

«Протокол допроса
Ритчера Иогннеса Фридриховича

От 1 марта 1938 года стан Хаттыннах

(сначала – анкетные данные)

Вопрос: Следствием установлено, что вы являетесь активным участником антисоветской повстанческой организации на Колыме. Находясь на прииске Ат-Урях, состояли в террористической группе, проводили контрреволюционный саботаж в целях срыва плана добычи золота. Дайте показания по существу заданных вопросов.
Ответ: Нет, в антисоветской повстанческой организации я не состоял, виновным себя ни в чём не признаю.

Протокол записан верно, с моих личных слов, мною прочитан, в чём и расписываюсь *(подпись отца)*.

Допрашивал: пом. уполномоченного
оперчасти РО УГБ НКВД по СГУ ***Селиванов***»

Вместе с этим протоколом в дело подшиты протоколы допросов ещё трёх человек, заключённых Глазкова, Шапиро и Тютькина. Они все трое признают себя участниками событий, происходивших на Ат-Уряхе в январе 1938-го года, и в числе других называют и отца. Они рассказывют о якобы имевшемся между ними сговоре: убить оперуполномоченного НКВД Полякова, завладеть его револьвером и потом, используя этот револьвер, совершить террористические акты против высокого колымского начальства: директора Дальстроя и руководства НКВД. Абсурдность этих инсинуаций очевидна, да и фальсификация всего дела выполнена на удивление небрежно. Достаточно сказать, что все три «свидетеля», говоря об одних и тех событиях, называют разных участников, а следователю хоть

бы что – для фальшивки сойдёт. Главное, чтобы все «заговорщики» оказались троцкистами.

Протокол допроса отца свидетельствует, что допрашивали его 1-го марта, но обвинительное заключение готово было уже 27-го февраля.

«27/ II-38 г. Утверждаю.
Начальник РО УГБ НКВД по СГУ
Мельников

Обвинительное заключение по следственному делу № 35 / 48.

Рассмотрев материал следственного дела по обвинению з/к Ритчера Иоганнеса Фридриховича, я нашёл, что Ритчер И.Ф. является активным участником существовавшей на Колыме антисоветской повстанческой террористическо-вредительской организации, возглавляемой Берзиным, ставившей своей целью:

а) свержение советской власти путём вооружённого восстания;

б) совершение террористических актов на руководителей Советского правительства и Коммунистической партии;

в) слом и разрушение производства Дальстроя и, в частности, плана золотодобычи в 1938 году путём организации массового саботажа и вредительства;

г) находясь на прииске Ат-Урях, состоял в террористической группе, возглавляемой кадровым троцкистом Моисеенко, подготавливал террористические акты на сотрудников НКВД и начальника треста Дальстрой Павлова;

д) активно проводил контрреволюционный саботаж, систематически не выполнял нормы выработки, добился развала бригады и группового саботажа, занимался вредительством, уничтожал инструмент.

Обвиняемый Ритчер И.Ф. виновным себя не признал, но достаточно изобличён показаниями обвиняемых Шапиро, Глазкова и Тютькина.

Полагал бы:

Дело Ритчера Иоганнеса Фридриховича направить на рассмотрение тройки при УНКВД по ДС.

Сотрудник РО УГБ НКВД по СГУ ***Дероберти***».

Двумя днями позже датирован следующий документ:

«Выписка
из протокола заседания тройки УНКВД по Дальстрою
от 1 марта 1938 года

Слушали: Дело № 35/48 по РО НКВД по СГУ.
Обвиняется Ритчер Иоганнес Фридрихович:
Находясь на прииске Ат-Урях являлся (далее слово в слово воспроизводятся пункты «г» и «д» обвинительного заключения).
Постановили: Ритчера Иоганнеса Фридриховича – расстрелять.

Верно. Секретарь тройки УНКВД по ДС ***Л.Гауз***».

И, наконец, в деле подшит последний документ:

«Совершенно секретно.

Выписка из акта

1938 года, марта 10-14 дня стан Хаттыннах

На основании решения тройки УНКВД по Дальстрою приговор приведён в исполнение – расстрелян Ритчер Иоганнес Фридрихович.

Зам. начальника УНКВД по ДС капитан ГБ ***Кононович.***
Нач. РО РКМ НКВД по ДС лейтенант милиции ***Кедров***

Верно. Секретарь тройки УНКВД по ДС ***Л.Гауз***».

Вот так – 10-14 марта!

Ему было от роду 33 года и 2 месяца.

Отец попал под так называемые «гаранинские расстрелы», название своё получившие (по мнению нынешних исследователей – не совсем обоснованно) по фамилии полковника войск НКВД Гаранина. Расстрелы эти с таким же успехом можно было бы назвать и «павловскими», и «ежовскими», и ещё какими-нибудь, но всё равно они были и останутся «сталинскими».

2 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об антисоветских элементах», которое совершенно неприкрыто нацеливало НКВД на уничтожение всех, кто власти был неугоден. В свете этого постановления в НКВД был издан совершенно секретный приказ № 0047 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». 1 августа в Магадан из НКВД СССР была отправлена телеграмма, предписывающая, во-первых, немедленно привести в исполнение смертные приговоры, вынесенные местным отделением Дальневосточного краевого суда над «руководителями» сфабрикованного там Контрреволюционного троцкистского центра на Колыме; во-вторых, активизировать работу по привлечению к ответственности всех «антисоветчиков».

Приговорённые троцкисты немедленно были расстреляны.

Немедленно созданная «тройка» рьяно взялась за «работу». До декабря 1937 года было рассмотрено около 3000 дел, по которым было вынесено 2248 расстрельных приговоров.

Это было ещё при Берзине. Но Берзин был представителем уже выполнивших своё предназначение кадров. Его следовало заменить, и его заменили. К тому же – вместе со всеми его приближёнными.

Так появились на Колыме старший майор ГБ Павлов, полковник пограничных войск Гаранин, старший лейтенант ГБ Сперанский, комбриг войск НКВД Ходырев (на должность заместителя директора треста Дальстрой), полковой комиссар Гаупштейн (на должность начальника политотдела треста) и ещё некоторые, чином поменьше.

Подробности. Берзин. Павлов. Гаранин. Сперанский.

Берзин (Берзинь) Эдуард Петрович (1894 – 1938 годы), его родина – Латвия. До революции окончил в Германии художественную школу, собирался продолжить образование в Петербурге, но

началась 1-я мировая война. Пошёл на фронт, стал офицером, в 1917 году был командиром артиллерийского дивизиона латышской дивизии. После октябрьского переворота пошёл на службу к большевикам. Известен по «Делу о заговоре послов» (лето 1918 года), в котором он участвовал как провокатор от ВЧК. Воевал на фронтах гражданской войны, после неё – в аппарате ВЧК. В 1929 – 32 годах был начальником строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината, полностью сооружённого руками заключённых.

С января 1932 года – директор треста Дальстрой, организатор колымских лагерей. Имел там неограниченную власть, подчинялся непосредственно Москве: Молотову как председателю Совнаркома и Менжинскому (потом Ягоде) как главе ОГПУ (наркому НКВД). В первый же год на Колыму было отправлено 10 тысяч заключённых, к концу его деятельности их было там 80 тысяч. В декабре 1937 года выехал на материк в отпуск, при подъезде к Москве был арестован. По обвинениям, предъявленным Берзину, вскоре начались расправы на Колыме. 1 августа 1938 года Берзин был расстрелян.

Павлов Карп Александрович (1895 – 1957 годы) родился в семье рабочего. Образование – 3 класса и ремесленное училище. Работал слесарем, монтёром, телеграфистом. В царской армии (1915 – 17 годы) тоже был монтёром-телеграфистом. Большевик с 1917 года, был комиссаром телеграфа, начальником связи Урало-Оренбургского фронта. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД с июня 1918-го года. Занимал бесчисленное количество должностей: был следователем, начальником следственной части, начальником ГПУ нескольких губерний, начальником УНКВД Красноярского и Азово-Черноморского краёв, наркомом внутренних дел Крымской АССР.

На Колыму прибыл в ноябре 1937 года на замену Берзину. За свою «работу» там получил орден Ленина. В 1938 году переведён в центральный аппарат НКВД, был начальником нескольких управлений наркомата, заместителем начальника ГУЛага. В 1946 году от работы был отстранён и отправлен на пенсию, но в 1948 возвращён в МГБ и назначен начальником строительства Волго-Донского канала. С 1949 года – опять пенсионер.

Имел звание генерал-полковника. В 1957 году застрелился.

В мире очень мало людей, которые совершили бы столько злодеяний, на совести которых было бы столько крови, сколько её на совести К.А. Павлова, кавалера трёх орденов Ленина, трёх орденов Красного Знамени и множества медалей.

Гаранин Степан Николаевич (1898 – 1950 годы) был родом из Белоруссии. Окончил сельскую школу, с 17 лет пошёл работать. Во время 1 мировой войны был призван в армию, стал унтер-офицером. В 1918 году добровольно ушёл в Красную Армию, был участником гражданской войны. В 1919 году вступил в ВКП(б). После гражданской войны окончил Высшую пограничную школу и служил на различных командных должностях в пограничных войсках. В декабре 1937 года прибыл на Колыму на должность начальника всех Колымских лагерей (УСВИТЛа).

Через 10 месяцев после назначения, в сентябре 1938 года, был арестован, помещён в магаданскую тюрьму, с открытием навигации, в мае 1939 года, – этапирован в Москву. Особым совещанием НКВД был осуждён на 8 лет, отправлен в Ухтпечлаг. Умер в лагере в 1950 году.

Сперанский Василий Михайлович (1896 – 1940 годы) родился в Барнауле в небогатой дворянской семье. Он окончил гимназию, 2 курса физико-математического факультета Московского университета, но в 1916 году университет бросил и поступил на краткосрочный офицерский курс Петроградского военного училища. В том же году был выпущен из него подпоручиком и отправлен на службу в Кишинёв. После октябрьского переворота пошёл к большевикам, в 1920 году был направлен в ВЧК. Нельзя сказать, что там он преуспел: к 1936 году был всего лишь младшим лейтенантом ГБ. Но в марте того года ему дали сразу старшего лейтенанта ГБ и пост начальника Миллеровского горотдела НКВД. Оттуда в конце 1937 года его отправили на Колыму на должность начальника Управления НКВД по Дальстрою.

Когда сделал он чёрное дело, к которому призвали, его арестовали. Он попал в список из 457 человек, представленных Берией Сталину (346 – на расстрел, 111 – в лагерь не менее чем на 15 лет). Список был утверждён Сталиным 17 января 1940 года. Сперанский был расстрелян.

Но прибыли не только эти. К середине декабря на Колыму заявилась ещё так называемая «московская бригада» из четырёх гебистов: капитана

госбезопасности М.П. Кононовича, старшего лейтенанта М.Э. Каценеленбогена, лейтенанта С.М. Бронштейна и лейтенанта Л.А. Винницкого. И хоть формально они были оформлены в подчинение Сперанскому (Кононович – его заместителем, остальные – начальниками отделов УНКВД), но реально подчинялись там только одному человеку – Павлову, который получил указание лично от Ежова о более действенном, чем при Берзине, претворении в жизнь приказа № 0047 и которому «московская бригада» была призвана всецело в этом способствовать.

Вот тогда-то и началось на Колыме то, что получило потом в литературе название «гаранинских расстрелов».

До сих пор никто с категорической точность не назвал численности уничтоженных тогда колымских заключённых. Рой Медведев в давней своей публикации «О Сталине и сталинизме» назвал кошмарное число – 40 тысяч расстрелянных. Даже после всего, что уже открылось о сталинщине, нормальный человек в это поверить не может – ведь это больше трети колымских заключённых того года! Француз Жак Росси, выпустивший в свет довольно поверхностный «Справочник по ГУЛагу», говорит о 26 тысячах. Другие авторы не подтверждают этих чудовищных цифр. Так, А. Козлов, старший научный сотрудник лаборатории истории и археологии СВКНИИ ДВО РАН, утверждает, что за весь 1938 год было рассмотрено около 10 тысяч дел, по которым к расстрелу было приговорено 3220 человек, а 4000 получили новые, десятилетние, сроки. Историк Е.Чернолуцкая в своей статье о действиях НКВД на Дальнем Востоке по реализации ежовского приказа № 0047 приводит такие сведения: на Колыме с сентября 1937 года по ноябрь 1938-го официально было расстреляно 8239 человек. Думается, что данные Чернолуцкой заслуживают большего доверия, чем фантастические цифры Медведева или Росси.

Правда, есть и другая арифметика. По сведениям УФСИНа, выставленным в Интернет, за весь период существования УСВИТЛа (с 1932 по 1953 год) на Колыму было завезено 740434 человека. Если учесть, что численность прибывших по годам не была одинаковой, то нетрудно вычислить, что в наиболее напряжённые годы прибывало в лагерь по 40-50 тысяч человек. И если убывало столько же, то куда? Было 3 пути: освобождение, смерть от болезней и истощения и расстрелы. Освобождались тогда очень немногие. Значит, все остальные – умерли или расстреляны. Так может быть, 40 тысяч – не такая уж и фантастика?

Тут самое время выслушать Варлама Шаламова, прошедшего на Колыме через всё и оставшегося в живых. Он писал:

«В 1938 году между начальством и блатарями существовал почти официальный конкордат, когда воры были объявлены «друзьями народа», и высокое начальство искало в блатарях орудие борьбы с «троцкистами», с «врагами народа». Проводились даже «политзанятия» в КВЧ, где «работники культуры» разъясняли блатарям симпатии и надежды властей и просили у них помощи в деле уничтожения «троцкистов». «Эти люди присланы сюда на уничтожение, а ваша задача – помочь нам в этом деле» – вот подлинные слова инспектора КВЧ прииска «Партизан» Шарова, сказанные им на таких занятиях в начале 1938-го года.

Блатари ответили полным согласием. Ещё бы! Это спасало им жизнь, делало их «полезными членами общества». В лице «троцкистов» они встретили глубоко ненавидимую ими «интеллигенцию». Кроме того, в глазах блатарей это были «начальники», попавшие в беду, начальники, которых ждала кровавая расплата.

Блатари при полном одобрении начальства приступили к избиению «фашистов» – другой клички не было для 58-ой статьи в 1938 году. Люди покрупнее, вроде Эшбы, бывшего секретаря Северо-Кавказского крайкома партии, были арестованы и расстреляны на знаменитой Серпантинке, а остальных добивали блатари, конвой, голод и холод. Велико участие блатарей в ликвидации «троцкистов» в 1938 году».

(Не скоро, но дошла очередь и до самих блатарей: после войны были отлиты пули и для многих из них).

Аналогичное колымскому уничтожение «58-й статьи» известно по Ухтинско-Печорским лагерям (на Колыме – золото, в Ухтпечлаге – уголь). Ухтпечлаг, как и Колыма, был местом, куда в массовом порядке отправлялись осуждённые по 58-й статье «враги народа». Среди них оказались и «враги» из АССР НП, в том числе большинство «подельников» отца.

Туда выполнять приказ № 0047 тоже прибыла специальная «бригада», во главе которой стоял заместитель начальника ГУЛага Е.И. Кашкетин-Скоморовский, который по склонности к садизму и жажде крови был настоящим монстром. И имя его так же осталось в памяти тех, кому удалось пережить массовые казни в Воркуте, Котласе, Ухте и Инте, как и имя Гаранина – в памяти оставшихся в живых колымчан. Но когда он тоже оказался неугоден и был арестован, он свихнулся. Рассказывают, что и перед расстрелом он, полупомешанный, вопил из тюремной камеры: «Я Кашкетин! Я очистил Воркуту от врагов народа!»

Зная всё это, уже не удивляешься тому, что при оформлении расстрельных дел им было не до процессуальных тонкостей. Достаточно сравнить дела отца: саратовское 1936 года и колымское 1938-го. Саратовские энкаведешники и трибунальцы извели кучу бумаги, чтобы оформить отцу пятилетний – «детский», как потом говорили – срок, а на Колыме сложили вместе несколько бумажек – и под пулю! Не до формальностей было – некогда. Да и чего ради, кто с них спросит? Вот откровение одного из тех, кто на Колыме принимал в расстрелах непосредственное участие – сотрудника НКВД по Северному горнопромышленному управлению Гарусова:

«В 2 часа ночи прибыли в Хаттыннах капитан Кононович с прокурором Метелёвым и к 6 часам утра рассмотрели 200 дел. 135 заключённых приговорили к высшей мере. Прокурор на арестантов не смотрел и ни с кем не разговаривал…»

Комментарии, как говорится, излишни.

О сталинских временах написаны (и продолжают писаться) сотни книг, сняты (и продолжают сниматься) десятки кинофильмов, но в вечности останутся лишь единицы. Остальное – или однодневки, или откровенный хлам, и если ещё

не выброшен, то вот-вот будет выброшен в мусорный ящик. Но ни в книгах «вечных», ни в «однодневках» ничего, кроме банальностей, глупостей или откровенного вранья не написано о милиции тех дней.

Ничего практически не знаю и я. Отец с матерью о службе ничего серьёзного не говорил, придерживался принципа: работа – это одно, семья – другое, смешению они не подлежат. Почерпнуть информацию мне было негде.

После смерти отца прошло более 60 лет.

В новые нынешние времена произведён кардинальный пересмотр ценностей, ещё недавно казавшихся если не незыблемыми, то достаточно устоявшимися и, кстати сказать, вполне удобными для очень многих людей, не исключая и многих нынешних ниспровергателей. Стало ныне модным не только подвергать тотальной критике все действия власти, но и отрекаться от отцов своих и дедов, ставя под сомнение их идейность, их порядочность, их честность. Мало того, тех, кто этого не делает, современные поборники свободы безоговорочно относят к злодеям, которые нажили дивиденды на репрессиях: отцы, мол, ваши или деды и пайки получали, и высокие оклады, и привилегии, всего нахватали, а вы и поныне этим пользуетесь.

Я следовать этим путём не намерен. Отец мой не был ни взяточником, ни мародёром, ни казнокрадом. Он принадлежал к тому поколению молодых и очень молодых людей, которые в годы революции или сразу после неё чистосердечно поверили красивым лозунгам новой власти, самоотверженно служили ей, отдавая этому все силы свои и способности, а то и жизни; а потом оказалось, что они невольно и сами стали участниками её преступлений, и в конечном итоге этой властью были растоптаны без всякой жалости и без счёта.

Последние подробности. Приятели отца.

Вильгельми Борис Фёдорович (Бернгард Фридрихович, 1905 – 1985 годы) в 1928 году из Бальцера был призван в армию и 3 года служил в Гомеле в полку, в который направлялись призывники только из РНП. После демобилизации какое-то время пытался закрепиться в Энгельсе, но без особого успеха. Ему предложили работу в его родном городе Марксштадте, и он согласился. Сначала он был секретарём парторганизации на заводе «Коммунист», а в 1932 – 33 годах – заведующим отделом Марксштадтского канткома партии. В 1933 году был переведён в Энгельс на должность председателя Немволгосоюза (это была организация, стоявшая во главе кооперативных артелей), но ненадолго: уже в 1933 году он был отправлен во Франкский кантон 1-м секретарём канткома. В 1934 году он был вновь возвращён в Энгельс и назначен на пост заместителя наркома торговли.

3 марта 1935 года он был арестован, обвинён в троцкизме, в сентябре того года был осуждён на 5 лет и отправлен в Ухтпечлаг. После отбытия срока был оставлен в Инте на высылке. И когда комендатуру отменили, всё равно остался там. Да и куда было деваться? Работал, но всё равно не оставляла мысль: хоть как-нибудь да вернуться на Волгу. Сумел построить кооперативную квартиру в Ульяновске, куда перебрался с семьёй в 1970-ом году. До самой своей смерти переписывался с моей матерью.

Судя по всему, не лишён был склонности к риторике и менторству. Чего стоит, например, такая надпись, сделанная им на обороте присланной моей матери в 1979 году фотографии: «Другу юности. Умей чувствовать рядом с собой человека, умей читать его душу, увидеть в его глазах его духовный мир, радость и беду, счастье и горе. Подавляй в себе малейшие признаки слабости: капризность, обидчивость, раздражительность, слезливость, болезненное самолюбие».

В 2003 году из города Сыктывкара, из Коми республиканского архива общественных движений и формирований (так мудрёно стал называться бывший архив обкома КПСС) прислали мне ксерокопию хранящихся у них очень коротких воспоминаний Вильгельми, написанных им в 1970 году. « Я прожил большую и интересную жизнь, – пишет он, – мой трудовой стаж составляет 51 год (с 14 до 65 лет). В Коми республике живу 29 лет». Далее он даёт пояснение к приложенной им копии фотографии делегатов комсомольской конференции, проходившей в 1924 году в Марксштадте (о ней уже речь была выше). Сам Вильгельми тогда был 1-м секретарём канткома комсомола. Он пишет о судьбе одного, второго, третьего, но ни слова не говорит о тех, кого расстреляли, как моего отца, ни о том, что многие из тех, о ком он повествует, побывали в лагерях. Да и сам он к тому времени «прожил в Коми республике» не 29 лет, а 34 года, только первые 5 лет – в лагерном бараке. Здесь не место словам осуждения – по-другому нельзя было жить. Бориса Фёдоровича уже давно нет, и некому ответить на вопрос: а лагерь тоже отнесён к годам «интересной жизни»? К слову о фотографии: мне от матери досталась только вырезка из газеты «Neues Leben», где она когда-то была опубликована. А несколько лет назад я обнаружил её в Виртуальном музее ГУЛага, куда попала она от потомков Петра Шенфельда, и не преминул скопировать её более качественный вариант.

Шмелёв Василий Васильевич (1905 – 1969 годы), начав службу в ЧК вместе с моим отцом или чуть позже, так и продолжал работать в органах ГПУ-НКВД-МГБ сначала в Марксштадте, потом в Саратове. Это он сообщил по секрету моей матери, когда она приехала в Энгельс из Петропавловска в ноябре 1936 года, что отец уже в Саратове, в подвале на Вольской. Никаких чинов не выслужил. Он единственный из отцовских друзей, кого я видел лично: в 1947 году мать возила нас с братом в Саратов, и мы останавливались на три дня на квартире у Шмелёвых, в многоэтажном доме на улице Челюскинцев. Показался он мне хмурым, малоразговорчивым человеком. Удивило, что он со своей женой-немкой Бертой Андреевной время от времени начинал говорить по-немецки, хотя она свободно владела русским.

Шенфельд Виктор Иосифович – представитель большого, сильно политизированного семейства. Иосиф Шенфельд-старший был дореволюционным социалистом, в 1918 году – член исполкома Немецкой трудовой коммуны, с 1924 года – нарком просвещения АССР НП. Его дети: Иосиф, Константин, Виктор, Пётр, Екатерина были в числе активных комсомольцев, потом партийцев на различных должностях. Все, в том числе и отец (кроме Иосифа-младшего, умершего в 1933-ем году), были в1936-37 годах репрессированы. Отец был расстрелян, о судьбе младшего поколения мне почти ничего не известно. Виктора арестовали в 1935 году, в 36-м осудили в Саратове на 10 лет лагеря и отправили в Усть-Абакан – это в Хакассии. Там, в лагере, в сентябре 1942 года он вновь был арестован и по приговору тройки расстрелян. Петру в 1936 году дали 5 лет и увезли в Воркуту. После отбытия срока его отправили в Анжеро-Судженск уже как трудармейца. Там он и остался на жительство и в 1983 году был ещё жив.

Вебер Александр Яковлевич (1905 – 1969 годы) – уроженец села Варенбург. С 14-ти лет на комсомольской работе. Окончил Академию коммунистического воспитания в Москве (1931 год). В 1931-32 годах читал курс политэкономии в Немпединституте. В июне 1932 года он стал наркомом просвещения РНП и работал в этой должности до 1936 года. Неожиданно его с должности сняли и назначили директором школы, но ненадолго: в ноябре того года его арестовали, предъявив стандартное обвинение в троцкистской деятельности. Целый год провёл он под следствием, в 37-м получил 10 лет и был отправлен на Соловки, в 39-м был переведён в Норильск. В 1946 году, после отбытия полного срока из лагеря был освобождён, но на волю отпущен не был. Его продержали там ещё 4 года, а в 1950 году как немца по национальности отправили в Красноярский край. Там работал он преподавателем немецкого языка в школе. В 1961 году сумел перебраться в город Сызрань, работал заведующим кафедрой иностранных языков в Сызранском филиале Куйбышевского политехнического института. Последние годы жизни жил в Иванове. Был женат на Марии Кляйн, подруге юности моей матери. Мать была с ними в переписке. Умер в 1969 году.

Вебер долгие годы был внештатным корреспондентом газеты «Neues Leben», опубликовал воспоминания о своей юности, о старых соратниках. В 1965 году, когда ему исполнилось 60 лет, газета «Neues Leben» опубликовала поздравление со многими подписями, среди которых я увидел имена Валентины Фукс-Леонтьевой, вдовы Г.Фукса, писателей Доминика Хольмана, Виктора

Кляйна, Эрнста Кончака, Зеппа Остеррайхера, вдовы Г. Завацкого Софьи, журналистки Марии Фогель, матери Альфреда и Виктора Шнитке. Сегодня уже испытываешь странное чувство, когда читаешь такие, например, утверждения: «Мы горды тем, что тяжёлые испытания, через которые Ты и Твои друзья прошли в годы культа личности, не поколебали Твоей веры в партию».

Суппес Валентин Яковлевич после Бальцера работал в Энгельсе: заместителем наркома, потом наркомом тяжёлой промышленности. На момент ареста в 1936 году был наркомом местной промышленности. Был обвинён во вредительстве и участии в антисоветской террористической организации. Формально судила его в Москве Военная коллегия Верховного суда СССР, приговорив к расстрелу. На самом деле судьба его была решена ранее и на самом верху: 27 февраля 1937 года Сталин утвердил представленный ему огромный список, где в числе подлежащих расстрелу, кроме фамилии Суппеса, увидел я фамилии ещё двух человек, о которых я писал выше: А.Лооса и Д.Павлова. Но по каким-то причинам тогда никто из них расстрелян не был, и их фамилии были включены в другой список, утверждённый Сталиным 25 июля 1937 года. Вот тогда их всех расстреляли.

Известностью в Поволжье пользовался отец Валентина Суппеса, Яков Яковлевич Суппес, уроженец села Франк. Он был одним из немногих большевиков высшего эшелона власти в Немповолжье, который не побоялся открыто выступить против вопиющих несправедливостей, творимых советской властью над крестьянством. В октябре 1920 года он написал смелое письмо в ЦК РКП(б), копии – Ленину и Цурюпе, в которой в резкой форме осудил практику реквизиций зерна у крестьян. Написал безрезультатно – ничто не изменилось. Я.Суппес был в числе разработчиков Конституции РНП в 1923 году. После образования республики занял пост наркома юстиции и прокурора республики. За честность и бескомпромиссность подвергался третированию со стороны некоторых партфункционеров. В 1928 году с занимаемых должностей был снят по требованию ЦК ВКП(б) с мотиворовкой «за пропаганду оппозиционных взглядов». Некоторое время был заместителем председателя Совнаркома, но вскоре слетел и отсюда. С 1931 года занимал малозначительную должность председателя Совета народного хозяйства РНП. Был арестован в 1936 году. Дальнейшую судьбу проследить не удалось.

Известен мне ещё один Суппес из этого семейства, погибший в 1919 году при подавлении Варенбургского крестьянского восстания и похороненный в братской могиле в Бальцере, в церковном сквере. Всего в могиле захоронено 30 человек. Вызывает удивление, что тогда же погиб и там же похоронен Роберт Бендер, внук известного фабриканта Андрея Бендера. Этому-то что нужно было? Сейчас на этой могиле неизвестно кому (имён на ней нет) стоит памятник, выполненный по проекту саратовского скульптора Эпова, с типичной революционной атрибутикой: рабочий, кожанка, маузер и пулемёт Максим.

Фамилии бальцерского прокурора Всеволода Лаврова и марксштадтских отцовских приятелей Ивана Рюба и Ивана Шлегеля, а также Вельша, Фукса, Люфта и Фрешера, имена которых уже не раз встречались в этом повествовании, я обнаружил в расстрельном списке, утверждённом Сталином 22 декабря 1937 года (на нём есть ещё подписи Молотова, Кагановича и Ворошилова). Только по Саратовской области в этом списке 214 человек, 170 из них, в том числе все названные, – по первой категории, то есть – под расстрел.

Нашёл я информацию и о судьбе Иосифа Влударчика и Генриха Лайзера, бальцерских сослуживцев отца. Я уже писал, что вскоре после возвращения из Австрии, в начале 1935 года, Влударчик был арестован и осуждён Военной коллегией Верховного суда на 5 лет лагерей по статье 58, пункт 4 – оказание помощи иностранному государству (ничего абсурднее придумать не могли!). Когда начала раскручиваться вакханалия арестов в Немповолжье, его из лагеря доставили в Саратовское УНКВД (май 1936 года) и подвергли допросам, добиваясь показаний на прежних своих сослуживцев и просто знакомых, обвинённых в троцкизме. И он такие показания дал, после чего его снова вернули в лагерь. В сентябре 1937 года его в лагере снова арестовали, в октябре приговорили к расстрелу и в том же месяце расстреляли. Генриха Лайзера тоже арестовали в 1935 году, дали 10 лет и отправили на Колыму. Там в октябре 37-го он был расстрелян.

Незавидна судьба и многих из тех, кто посылал таких, как мой отец, под пулю палача или в лагеря, кто убивал их там и мучил. Большинство из них были

тоже репрессированы. Но не за то, что творили они страшное зло, отправляя на смерть или на лагерные муки невинных людей, а за такие же надуманные властью преступления, какие они сочиняли сами для обвинения своих жертв.

Поиск материалов о Сперанском привёл меня ещё к одному списку, составленному в НКВД – уже Берией – и утверждённому Сталиным 27 января 1940 года. В этом списке 457 человек, 346 из них подлежали расстрелу, 111 – направлению в лагерь не менее чем на 15 лет. В числе 346-ти увидел я имена писателя Бабеля, режиссёра Мейерхольда, журналиста Кольцова, 1-го секретаря Западно-Сибирского крайкома партии Эйхе, 1-го секретаря Немобкома партии Попка. Но больше всего в списке было фамилий бывших деятелей НКВД. Вот некоторые их них:

Сперанский Василий Михайлович – начальник УНКВД Дальстроя.

Урицкий Семён Борисович – глава внешней разведки НКВД.

Деноткин Самуил Моисеевич – начальник УНКВД Республики немцев Поволжья.

Шпигельглас Сергей Петрович – заместитель начальника Иностранного отдела НКВД, специалист по тайным убийствам и похищениям.

Фриновский Михаил Петрович – начальник Главного управления госбезопасности НКВД СССР. Вместе с ним расстреляны были его жена и 17-летний сын-школьник.

Трилиссер Меер Абрамович – бывший руководитель Иностранного отдела НКВД, потом деятель Коминтерна.

Рессин Илья Залманович – нарком внутренних дел Республики немцев Поволжья.

Залин Лев Борисович – нарком внутренних дел Казахстана.

Реденс Станислав Францевич – нарком внутренних дел Казахстана (после Залина), свояк Сталина, их жёны Аллилуевы – родные сёстры.

Мороз Яков Моисеевич – начальник Ухтпечлага.

Кашкетин-Скоморовский Ефим Иосифович – заместитель начальника ГУЛага.

Евдокимов Ефим Георгиевич – бывший начальник ОГПУ на Северном Кавказе, потом 1-й секретарь Северо-Кавказского крайкома партии.

Сюда же – ещё небольшое добавление. В деле по реабилитации моего отца встретилась мне небольшая справка, составленная помощником прокурора Саратовской области Акчуриным, в которой сказано, что все работники Саратовского УНКВД, занимавшиеся в 1936 году делом отца (Грицелевич, Гусев, Корнеев, Кулаков) тоже были репрессированы – двумя-тремя годами позднее.

Список этот можно было бы продолжать и продолжать долго.

Нет к ним жалости.

Но и нет чувства, что это – возмездие.

* * *

Отец был реабилитирован в 1959-ом году по обоим приговорам: и по саратовскому, и по колымскому.

Глава третья

Operationen und Opfern

«И предали заклятию всё, что в городе,
и мужей и жён, и молодых и старых,..
всё истребили мечом…»

(Иисус Навин, 6: 20)

Вряд ли среди людей: и тех, кто жил в Советском Союзе во второй половине 20-го века, и тех, кто живёт в России сейчас, – могло бы найтись ранее и найдётся сегодня так уж много таких, у кого упоминание о1937-ом годе не вызвало бы конкретных эмоций. Именно он, год 1937-ой, стал символом того ужаса, с которым пришлось столкнуться миллионам наших людей в 1936-38 годах.

Это не значит, что до этого власть вела себя иначе. Достаточно вспомнить начало 30-х годов, когда она, эта власть, прикрываясь самыми гуманистическими и прогрессивными лозунгами, развернула в стране беспрецедентную по безумию замысла и жестокости исполнения **операцию** по насильственному объединению в колхозы (читай – превращению в крепостных) всего сельского населения страны и «раскулачиванию» наиболее умных, работящих и способных к самоорганизации сельских хозяев. В результате этой «операции» погибло столько людей, что и поныне никто не может сказать – сколько: то ли пять миллионов человек, то ли семь, то ли десять.

Слово «операция» для коллективизации и «раскулачивания» применено здесь не случайно, оно со временем оказалось прочно связанным с действиями сталинских карательных органов, с массовыми репрессиями. Именно 1937-ой год связан с целым рядом таких «операций».

Параллельно со всеобъемлющей «операцией» по чистке от «врагов народа» высшего эшелона власти (партийных, советских и хозяйственных органов, Красной армии) в недрах НКВД были подготовлены ещё две крупные «операции», призванные – по замыслу их вдохновителей – в преддверии надвигающейся войны уничтожить «пятую колонну». Ныне много споров идёт по поводу того, к какой войне они готовились и готовили страну: сами ли собирались развязать в Европе войну «освободительную» или ожидали нападения извне, в первую очередь со стороны Германии и Японии – но это другая тема.

Первая из этих «операций» была направлена против так называемых «бывших людей»: бывших помещиков, царских чиновников, белых офицеров, «недобитых кулаков», служителей церкви.

Задачей же второй «операции» была ликвидация в СССР «шпионско-диверсионной базы капиталистического окружения»; в её рамках разработаны были частные национальные «операции»: польская, харбинская, немецкая.

Потом, в ходе проведения этих двух глобальных «операций», родились и дополнительные их национальные линии: греческая, афганская, румынская (на Украине), финская (в Ленинградской области). При проведении немецкой «операции» была выделена ещё одна категория лиц, подлежащих арестам, – это бывшие российские военнопленные, то есть солдаты и офицеры российской армии, побывавшие в плену во время первой мировой войны.

Проведение всех этих «операций» началось практически одновременно.

30 июля 1937-го года началась **немецкая операция**. На первых порах «операция» была направлена против германских и австрийских граждан, живших в СССР: бывших военнопленных, экономических эмигрантов, политических перебежчиков. В дальнейшем круг лиц был значительно расширен, и репрессиям были подвергнуты многие немцы – граждане СССР.

5 августа было положено начало «кулацкой операции», 15 августа началась «операция» польская, начались аресты ЧСИРов – членов семей изменников родины, то есть родственников уже репрессированных «врагов народа», готовится приказ по «харбинцам», то есть бывшим работникам Восточно-китайской железной дороги, построенной когда-то царским правительством, а теперь проданной Китаю.

Количество арестованных в ходе «операций» исчислялось, конечно, не единицами, даже не тысячами, а десятками тысяч. По одной только «кулацкой операции» было арестовано 150 тысяч человек, 30 тысяч из них были расстреляны.

А центр торопил и подстёгивал. Характерна, к примеру, телеграмма Ежова, отправленная 3-го ноября 1937-го года всем республиканским, краевым и областным управлениям НКВД:

«Проводимые сейчас операции по антисоветским элементам, немцам, полякам, харбинцам, жёнам изменников родины в ряде областей идут крайне медленными темпами.

Приказываю:

1) Форсировать проведение указанных операций.

2) Срок окончания всех указанных операций установить 10 декабря 1937 года. К этому сроку провести все аресты, закончить следствие и рассмотреть все следственные дела».

Комментировать здесь нечего.

Конечно, все эти «операции» обойти стороной Республику немцев Поволжья не могли. Здесь нашли чекисты и многих германских и австрийских подданных и их «пособников» из местного населения (ведь что это за шпионы, у которых нет завербованных агентов?). Хватало здесь «кулаков» и «подкулачников» из тех, которых при «раскулачивании» не выселили за пределы республики, а лишь согнали в полулагерные совхозы. А уж ЧСИРов после тех арестов, которые шли с начала 1936-го года, здесь было в избытке. Разве что «харбинцев» не было, да немногочисленные поляки жили в основном в Саратове. К слову: не последней задачей польской «операции» была «прополка» органов НКВД от активно проросших при Дзержинском, Менжинском и Ягоде «сорняков» – многочисленных работников польского и еврейско-польского происхождения,

при этом жертвами стали многие крупные чины, в частности, уже известные нам Реденс, Пиляр, Сосновский, Залин, Володзько.

Стала банальной много раз устно и письменно повторенная фраза: смерть одного человека – трагедия, смерть миллионов людей – статистика. Статистикой жертв 1936-38-го годов занимались, занимаются и долго ещё будут заниматься многие исследователи, писатели и досужие личности.

Наш рассказ – о конкретных жертвах этих трагических лет: моих дядьях **Фридрихе Риделе**, **Генрихе Риделе** и **Роберте Ритчере**.

* * *

Фридрих Ридель, второй сын в семье Иоганнеса-Генриха Риделя, родился 10-го октября 1893-го года. Имя Фёдор считалось в немецком Поволжье русским аналогом имени Фридрих. В уменьшительном варианте оно применялось и в семье Риделей – звучало и Фриц, и Федя.

Он получил неплохое для того времени образование, вполне прилично владел и немецкой, и русской грамотой. На предвоенной его фотографии перед нами – респектабельный молодой человек в сюртуке, визиточных брюках, при галстуке и жилете.

В августе 1914-го года Россия вступила в 1-ю мировую войну. Вскоре Фёдора призвали на военную службу и отправили на австрийский фронт. В 1915-ом году он попал в плен и был отправлен в Австрию, в лагерь для военнопленных. Сохранилось интересное свидетельство – открытка, отправленная из лагеря младшей сестре, «госпоже Ольге Андреевне Ридель» в Екатериноград Самарской губернии, на улицу Набережную, 35:

«Дорогая сестричка! Здоровье моё пока слава Богу. Очень радъ твоею прилежностью в школе и желаю тебе дальнейшаго успеха. Приветы всемъ домашнимъ. Целуй Марусю и Миночку. Твой братъ Фридрихъ. 9 Іюля 1916 года».

Сверху на открытке его же рукой написано «Kriegsgefangenensendung», то есть послание военнопленного. И два штампа военной цензуры: красный треугольник с надписью «Zensurabteilung.Wien» и треугольный фиолетовый «Просмотрено военной цензурой. Самара. Военный цензор № 60».Открытка пришла в Баронск 9-го сентября, то есть через 3 месяца после отправления.

Из плена Фёдор, как и большинство военнопленных, был освобождён через некоторое время после заключения Брестского мира. Он прибыл домой, но вскоре уехал в Саратов, где поступил добровольцем в Красную армию. Там же вступил он и в ВКП (б). По решению Комиссариата по немецким делам (это был орган управления немецкими колониями Поволжья, созданный вскоре после октябрьского переворота и существовавший до образования Немецкой автономной области, находился он в Саратове) Фёдор был направлен на политработу в воинскую часть, которая формировалась в Красном Куте. Вскоре оттуда он был отозван и переведён в формирующийся 1-ый Екатериненштадтский немецкий добровольческий полк.

**Фридрих Ридель,
Москва, 1914 год.**

**Фридрих Ридель,
гор. Энгельс, 1935-й год.**

Командный состав 1-го Екатериненштадтского коммунистического полка. Сидят слева 4-й – командир полка Г. Фукс, 5-й – комиссар полка Ф. Ридель. 1919-й год, станция Ханжонково.

В начале 1919-го года полк был отправлен на фронт. Он был включен в состав 1-ой особой украинской бригады, стоявшей на правом фланге 13-ой армии, в районе города Харькова. Командиром полка был назначен бывший поручик царской армии Генрих Михайлович Фукс, комиссаром – австрийский военнопленный, ставший большевиком, фамилию которого в разных публикациях писали то Ruhrberg (В.Эккерт), то Rehberg (В.Фукс-Леонтьева, В.Дайнес). А.Герман в русской транскрипции называет его Рееберг.

После гибели Рееберга – а это случилось в мае 1919-го года – Фёдор был назначен комиссаром полка.

В Центральном музее вооружённых сил в Москве среди прочих экспонатов была выставлена фотография (не исключено, что и до сих пор висит), сделанная в мае 1919-го года на Южном фронте. На ней запечатлён командный состав Екатериненштадтского немецкого коммунистического полка; в центре, рядом с командиром полка Г.Фуксом – комиссар полка Ф.Ридель. Первому – 24 года, второму – 25. Сфотографировали их на станции Ханжонково – это в 30-ти километрах от Юзовки, нынешнего Донецка. Кто знает, когда она стала экспонатом музея…

С этой фотографией связана одна газетная история. В феврале 1969-го года в газету «Freundschaft», которая тогда издавалась в Алма-Ате, пришло письмо от читателя А.Роота из села Красивое Целиноградской области. В конверте с письмом была и эта фотография – на ней среди прочих запечатлён и отец автора письма. Роот просил редакцию поискать кого-нибудь, кому хоть что-либо известно о людях, там изображенных. И письмо Роота, и присланную им фотографию напечатали в газете, а сотрудник редакции А.Геер написал довольно подробный комментарий, для людей сопричастных довольно интересный. Моя мать, например, только из него узнала, что о действиях Екатериненштадтского полка написано в книге «Гражданская война на Украине», вышедшей в Киеве в 1967-ом году, и что там есть хвалебные слова об её старшем брате. Потом в нескольких номерах «Freundschaft» печатались отзывы на эту публикацию, среди авторов которых были В.Г.Фукс-Леонтьева, вдова Г.Фукса, моя мать и другие родственники тех, кто изображён на фото. Нелишне добавить, что профессор А.Герман, поместивший фотографию в одной из своих книг, и мне прислал отпечаток её. Правда, в газетном варианте она у меня уже была.

Надо сказать, что у полка не прерывалась связь с родными краями. Оттуда поступало пополнение, на фронт иногда приезжали посланцы из Марксштадта, привозили вести и подарки; в областной газете «Nachrichten» печатались заметки о жизни и боевых действиях полка. Автором некоторых из них был комиссар Ридель. Вот, например, отрывок из его статьи в номере от 6-го июля 1919-го года.

«Da unser Regiment stets mutig vorgedrungen war, hatte es sich bald am tiefsten in die feindliche Linie hineingebohrt. Unter dem Umstand, das Machnos Brigade die erhaltenen Befehle nicht mehr ausfuehrte und sich verraetlisch von der Front zurueckzog, musten viele Truppenteile leiden. So erging es auch mit dem Katharinenstadter Regiment, das hinter dem Fluss Donez lag und dort, abgeschnitten von jeder Hilfe, auf sich allein angewiesen war. Bei Sakotnoje war es nicht moeglich,

durchzukommen, die Bruecke war bereits zum Sprengen vom Feinde vorbereitet, und flog im letztem Moment in die Luft. Da das Wasser zu breit war, konnte man ohne Hilfmittel nicht hinueber kommen. so lies man ein, Bataillon des Regimens stehen, um den Feind aufzuhalten, und marschierte in die Nacht nach Piskanowka, wo selbst man mittels schwimmenden Bruecke das ganze Regiment samt dem Train gluecklich, uber den Donez brachte. erst mit den letzten fuhr der Regimentskommandeur, Genosse Fuchs selbst hinueber».

После описанного Фёдором случая полк за 72 дня участвовал в 30-ти боях и потерял больше половины бойцов. Он был отведён для отдыха и переформирования в город Старый Оскол. Именно в этот период их посетил председатель Реввоенсовета Троцкий, который высоко оценил действия полка и вручил командиру и комиссару Красное знамя.

В конце 1920-го года Фёдор, ещё не демобилизованный из армии, возвратился в Марксштадт. Там он был назначен городским военным комиссаром. В 1922-ом году он был переведён в облвоенкомат и перебрался из Марксштадта в Покровск, который только что стал областным центром. Из армии он всё-таки был демобилизован: у него обнаружился непорядок с лёгкими, и его направили на работу в Наркомзем (по-нынешнему – министерство сельского хозяйства) республики. Там он получил должность старшего инспектора, что-то вроде глаз и ушей наркома.

В 1928-ом году врачи определили, что он болен туберкулёзом лёгких, и его на несколько месяцев поместили в туберкулёзный санаторий. Ему стало заметно лучше – процесс был остановлен. Его назначили директором нового совхоза «Спартак», который организовали на землях, до этого принадлежавших Немволбанку.

В 1932-ом году от туберкулёза умерла жена Фёдора Лидия, и он возвратился в Покровск, опять на инспекторскую должность в Наркомземе. В 1933-ем году Генрих Фукс, назначенный председателем Совнаркома республики, пригласил его на должность начальника своей канцелярии. На этой должности он работал до 1937-го года.

Фукс всё время был в высшем эшелоне власти республики: он вошёл в состав первого правительства АССР НП, с 1927-го по 31-й год был представителем Совнаркома Республики при торговом представительстве СССР в Германии, потом вот это высокое назначение. В 1936-ом году его сняли с должности и отправили в ссылку в Башкирию, где поставили во главе какой-то стройки. Там его арестовали и предъявили обвинение в том, что он является одним из руководителей «подпольной националистической фашистской организации», якобы вскрытой в Немреспублике органами НКВД. В августе 1937-го года его расстреляли.

Надо сказать, что в принадлежности к этой «организации» обвинили почти всех крупных советских и партийных деятелей республики, начиная со времени её образования. И не только их. Были арестованы сотни людей, среди которых были не только партийные функционеры, но и хозяйственники, деятели науки, культуры, просвещения. Многих из них расстреляли.

Немецкая «операция» НКВД была в действии.

Фёдора Риделя тогда не арестовали, а лишь исключили из партии и сняли с должности. Он долго был без работы, потом устроился на какой-то склад. У него снова начался активный процесс в лёгких.

В 1938-ом году арестовали и его. В тюрьме ему стало хуже, его то помещали в лазарет, то возвращали в камеру. Обвинили его в «преступной связи» с Фуксом и другими арестованными по делу «фашистов», припомнили ему и его пребывание в плену у австрийцев.

Но ему становилось всё хуже, и весной 1939-го года его комиссовали по болезни и выпустили – умирать. Сломленный духовно и физически, он не захотел жить и покончил с собой, приняв яд.

В чём истоки большевизма Фридриха Риделя? Искать их в детских годах, в воспитании, в происхождении бессмысленно: он рос в трудовой, но хорошо обеспеченной семье, политической деятельностью в юности не интересовался.

Дело не в происхождении, не в воспитании, не в окружении довоенных лет. Дело в другом. В бараках военнопленных-солдат и в Австрии, и в Германии большевистские агитаторы действовали свободно, под покровительством лагерной администрации. Агитаторы эти находили благодарных слушателей: ведь правильные слова о мире и справедливости, о равенстве и братстве, о безмерном бесстыдстве «буржуев», нагло демонстрирующих своё богатство, мотающих деньги направо и налево, тогда как народ вокруг беден и бесправен, находят отклик в душах не одних только нищих. И не его вина, что правильные слова остались лишь словами.

Пример старшего брата оказался заразительным для младших членов семьи: 18-летняя Ольга и 15-летний Иван были в городе среди первых, кто вступил в комсомол. Для Ивана этот шаг стал роковым: как комсомолец он был мобилизован в ЧОН и весной 1921-го года в бою с повстанческой группой Пятакова у станции Иващенково (нынешний город Чапаевск Самарской области) был убит. Ему было только 18 лет.

* * *

Генрих (Андрей) Ридель родился 20-го июля 1895-го года. Опять приходится говорить об употреблении имени. Его называли Андреем, Андрюшей и дома, и вне его. Даже так случилось, что из трёх его дочерей только старшая по паспорту носила отчество Генриховна, младшие же официально записаны Андреевнами.

Из всех своих братьев он получил самое хорошее образование: после окончания Центральной школы в Екатериненштадте он был отцом отправлен в Москву на коммерческие курсы. Судя по фотографии, сделанной в Москве в марте 1914-го года, Андрей знал себе цену: в объектив, слегка прищурясь и чуть усмехаясь, нога на ногу, в руках – раскрытая книга, смотрит красивый франтоватый юноша. Сохранилась из московской поры и открытка, написанная вычурной готикой в день его 19-летия: «Москва. 20 июля 14. Большая благодарность за вашу открытку. Сегодня ожидаем мы здесь царя. Всё очень

тревожно. Ваш Генрих». Для тревоги были все основания: за день до этого Германия объявила России войну.

В 1915-ом году Андрея взяли в армию и отправили на Кавказский (Турецкий) фронт.

Именно туда, начиная с 1915-го года, отправляли мобилизованных немцев. К слову: генерал Н.Н.Юденич, командующий Кавказским фронтом, в составе которого немцев было 40 тысяч, с удовлетворением отзывался и о дисциплинированности, и о высоких боевых качествах их. Февральская революция застала Андрея в городе Сарыкамыше в составе инженерной рабочей дружины (сапёрной части, по-нынешнему). Город Сарыкамыш в настоящее время находится на территории Турции, но когда-то принадлежал России. В 1915-ом году турецкие войска предприняли наступление, но под Сарыкамышем были разбиты и бежали. После этого началось наступление российских войск, завершившееся взятием Эрзерума и Трапезунта. Сарыкамыш же стал тыловым прифронтовым городом.

Домой Андрей возвратился, как и большинство солдат, после заключения Брестского мира, согласно которому Турции возвращались не только территории, занятые Россией в ходе военных действий, но и отдавались некоторые российские земли, на которые Турция издавна претендовала. Так Сарыкамыш стал турецким.

В Красной армии Андрей не служил, в том числе и в гражданскую войну. Он был освобождён от мобилизации распоряжением Екатериненштадтского совета как единственный кормилец большой, из 13-ти человек, семьи. К тому времени Фёдор ушёл в Красную армию добровольцем, младший брат Густав был в неё мобилизован. Отец их страдал хроническим почечным заболеванием, старший брат Александр имел врождённый порок сердца. Остальные – женщины и дети.

Как человек грамотный, да ещё со специальным образованием, Андрей был принят в местный городской совет сначала инспектором по продовольственному налогу, потом стал руководителем курсов по подготовке налоговых инспекторов. С января 1924-го года, со дня образования АССР НП, он был назначен старшим налоговым инспектором Марксштадтского кантонного финансового отдела и в этой должности работал до самого своего ареста в 1937-ом году.

В коммунистической партии он не состоял.

Он был женат с 1922-го года, в семье было три дочери, там же жила его мать. Был он аккуратен, трудолюбив, честен, имел светлую голову и умелые руки. Купив в 1932-ом году большой, очень запущенный дом, он привёл его в идеальный порядок, завёл домашнее хозяйство, причём свиньи у него были только породистые, удой у коровы – рекордный, чистота в стойлах у скотины – отменная. Участие во всём этом принимала вся семья, но роль главы была ведущей и решающей.

Такие граждане – основа любого процветающего государства, его опорная база. Но не у нас.

Он был арестован 13-го ноября 1937-го года у себя дома, ночью. Его увели, и больше никто из родственников его не видел.

Генрих Ридель во время учёбы в коммерческом училище. Москва, 1914 г.

Генрих Ридель, налоговый инспектор Марксштадтского кантисполкома, 1935 г.

Дом в Марксштадте, купленный Генрихом Риделем в 1932 г. Фото 1982 г.

Дочери Генриха Риделя Эрика, Ольга и Нина. Марксштадт, 1935 г.

Дочери Генриха Риделя. Красноярск, 1955 г.

Дочери Генриха Риделя Эрика и Нина. Фото 1996 г.

В чём можно было обвинить его, рядового служащего из отдела местной власти, живущего в небольшом городе у всех на виду с самой поры возвращения с войны, то есть почти 20 лет? Может быть, ответ на этот вопрос можно найти (не только можно, но и должно) в обвинительном заключении? Вот его текст:

«Утверждаю.
Зам. Наркомвнудел АССР НП
ст. лейтенант ГБ (***Рессин***)
21 ноября 1937 год.

К следственному делу № 750
по обвинению Ридель
Генриха Генриховича
по ст. 58 п.10 УК РСФСР

Обвинительное заключение.

Я, пом. оперуполномоченного Марксштадтского К / О УГБ НКВД АССР НП Вейс, рассмотрев 20 ноября 1937 года следственное дело № 750 по обвинению в контрреволюционной деятельности Ридель Генриха Генриховича, 1895 года рождения, уроженца города Марксштадта, по соц. происхождению сын эксплоататора, крупного землевладельца, имели до 150 десятин посева. Кроме того, его отец был управляющим земельного участка у помещика Геннинг. Сам Ридель Г.Г. по соц. положению служащий, работал в кантфинотделе.

В 1929 году Ридель Г.Г. был арестован органами НКВД, но не судим.

Ридель Генрих Генрихович имел тесную связь с братьями.

Ридель Густав Генрихович исключён из ВКП (б) и изгнан из Комвуза. Брат Ридель Фридрих Генрихович работает в г. Энгельсе, разоблачён как троцкист. Сестра – муж её Ритчер арестован органами НКВД.

В процессе следствия установлено, что Ридель Г.Г. систематически вёл агитацию против мероприятий советской власти.

Обвиняемый Ридель Г.Г. в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал, но достаточно изобличён свидетельскими показаниями …в преступлении, предусмотренном ст. 58 п10 УК РСФСР,

постановил:

Следственное дело по обвинению Ридель Генриха Генриховича направить на рассмотрение тройки НКВД АССР НП с последующим перечислением обвиняемого за последней.

Пом. оперуполном. УГБ (***Вейс***)
Согласен.
Нач. К / О УГБ НКВД АССР НП
мл. лейтенант ГБ (***Чесноков***)

Справка: арестованный Ридель Г.Г. содержится под стражей в Марксштадтском КПЗ».

Нет, из этого документа ничего понять нельзя. Ещё полгода назад опытный зека, прочитав это обвинительное заключение, уверенно сказал бы: 5 лет, максимум – 8 (всего лишь в чистом виде статья 58-10).

Главный документ, на котором построено обвинение и который в деле Андрея подшит одним из первых – это протокол допроса от 19-го ноября 1937-го года некоего Апшютца Александра Христиановича, сослуживца Андрея, работавшего в кантфинотделе ревизором.

«**Вопрос**: Расскажите, что вам известно о проводимой контрреволюционной деятельности со стороны Ридель Генриха Генриховича?
Ответ: О проводимой контрреволюционной деятельности со стороны Ридель Генриха Генриховича мне известны следующие факты:

27 марта 1937 года в конторе кантфинотдела, где находились, кроме меня и Риделя, Зейб и другие, Ридель заявил: «Сев в этом году наверняка провалится. Рабочий скот имеет плохую упитанность, а кормить его нечем. Колхозники сами сидят без хлеба. От них ожидать нечего. Всё это способствует провалу сева в этом году».

24 февраля Ридель Генрих Генрихович в присутствии меня и Шмидта Андрея Христиановича восхвалял царский строй. Он говорил «Раньше, при царизме, было лучше. Магазины всегда были переполнены товаром, а теперь, кроме лозунгов, плакатов и портретов вождей, ничего нет и не увидим».

12 марта 1937 года Ридель Генрих Генрихович говорил мне о событиях в Испании:

«Проводимая политика со стороны ВКП (б) среди рабочих и колхозников проводить митинги, массовые собрания протестов и т. д. против мятежников и солидарности с Испанией и её народом – всё это ни к чему не приведёт. Если фашисты захотят, то они задавят Испанию, как задавили Абиссинию».

10 апреля 1937 года при встрече с Ридель Генрихом Генриховичем он мне рассказал: «Большие безобразия творятся сейчас в СССР. Сажают кого попало и кого не подумаешь. Это непросто, это особая политика».

30 мая 1937 года Ридель Генрих Генрихович при встрече с ним рассказал мне по вопросу о займе: «Правительство выпустило заём, а потом провело конверсию, потому что знало, что население, которому силой навязывают облигации, имеет жалкое существование. Рано или поздно население будет вынуждено отдавать свои облигации за бесценок, тем самым выполнять планы за счёт населения».

6 июня 1937 года Ридель Генрих Генрихович мне рассказал, что какой бы ни был хороший урожай, колхозники всё равно будут без хлеба, как это было и до сего времени. Покуда будут удовлетворять все требования правительства, хлеба в колхозах не останется. Все эти планы, постановления, решения правительства – это лишь одна кукольная игра. Они постановляют, имеют сами вдоволь, ибо снабжают сначала себя, а другим – что останется. И приходится иметь людям лишь жалкое существование».

В июле месяце 1937 года Ридель по поводу вскрытой банды Тухачевского, Якира и других заявил: «Это были очень умные люди. Мне уже давно было известно, что эти лица являются руководителями шпионской работы, и известно, что часть арестованных по Марксштадту были связаны с ними. Иначе оно и быть не могло, ибо всем этим руководил известный центр в СССР или за границей, ибо вся работа была направлена к ослаблению советской власти».

Подобных контрреволюционных фашистских высказываний со стороны Ридель Генриха Генриховича приходилось мне слышать очень часто. Риделя я знаю как непримиримого врага советской власти».

Прямо скажем, документ непростой. Как к нему относиться? Если здесь зарегистрированы действительные высказывания Андрея, то напрашивается несколько выводов. Во-первых, они, эти высказывания, подтверждают, что он обладал умом аналитическим и критическим, умел смотреть в корень вещей. Во-вторых, что он был крайне неосторожен в своих речах. Тут сразу возникает вопрос: а почему? Ясно, что не от глупости. Выходит, что он просто органически не мог верить в подлость людей, в то, что кто-то из тех, с кем он бок о бок работает, а то и за рюмкой сидит в неофициальной обстановке (а именно в этой обстановке и делаются всякие неосторожные заявления), жадно ловит каждое его слово, каждую мысль, не забывая при этом зафиксировать и дату, чтобы отнести всё это туда, где за такие речи явно не похвалят. В-третьих, без особого труда можно сделать вывод, что стукачом Апшютц был недавним, ибо его информация ограничилась только 1937-ым годом, а работали вместе с Андреем они уже давно. Потому и протокол его допроса есть не что иное, как искусственно воедино соединённые доносы разных месяцев 1937-го года. И, наконец, вывод четвёртый: не нравилась Андрею советская власть. Будь по-другому, он бы мысли так не заострял.

Но это одна точка зрения, взгляд со стороны.

Существует и другая: всё выдумано, всё сфабриковано клеветником Апшютцем и местными чекистами. Апшютц спал и видел, как бы занять место Андрея в финотделе. Сам же Андрей Ридель был человеком лояльным к советской власти не только в действиях, но и в мыслях. Версия эта имеет право на существование, тем более, что её отстаивают дочери Андрея. Но что-то мешает поверить в неё до конца.

Вспомнилась при этом притча о том, как один вдумчивый читатель исландских саг сказал про них: «Всё это слишком скучно, чтобы быть выдумкой».

Вот и свидетельства Апшютца читая, хочется сказать: всё это настолько отражает жизненную правду, что не похоже на выдумку. Да и выдумывать такое в то время очень уж опасно было: а вдруг наверху засомневаются и спросят: а не свои ли мысли ты, выдумщик, сюда вложил, а не надо ли и тебя проверить?

Чистой выдумкой Вейса, без сомнения, является эпизод, связанный с «бандой Тухачевского». Беспомощность фантазии, фальшь и натяжка так и сквозят в каждом слове этой жалкой стряпни. Но, видно, очень хотелось повесить на человека, избранного в жертвы, что-то значительное, а уж «преступления» значительней связи с Тухачевским даже в те богатые разными «операциями» дни найти было трудно.

Следует сказать, что после ареста Андрея Апшютц занял его место в кантфинотделе, превратившись из простого ревизора в старшего инспектора. Что ж, это не удивительно, история свидетельствует, что не он один так делал карьеру. Более удивительно то, что он и через 20 с лишним лет, в 1959-ом году, когда его допрашивали работники КГБ в связи с возбуждением дела о реабилитации Андрея, опять заявил: «Я считаю, что Ридель Генрих Генрихович был буржуем», - и начал перечислять атрибуты буржуазности (правда, не его самого, а его родителей): большой дом, прислуга в доме, много земли и скота.

Есть ещё один документ, полный откровенного очернительства, свидетельства то ли крайней степени низости, то ли животного страха. Это справка, датированная 19-ым ноября 1937-го года.

«Дана сия Марксштадтским горсоветом в том, что Ридель Генрих Генрихович, 1895 года рождения, уроженец города Марксштадта того же кантона АССР НП по происхождению есть сын эксплоататора Ридель Гейнриха, который имел 150 десятин посева, кроме того, он ещё был управляющим земского участка, где он зверски относился к рабочим.

Сам Ридель Генрих Генрихович по соцположению служащий, работал долгое время в Марксштадтском кантфинотделе, где он так же зверски относился к трудящимся города, которым пришлось с ним иметь дело по службе.

Ридель Генрих Генрихович имеет брата Густава Генриховича, который исключён из членов ВКП (б) и изгнан из Комвуза, в данное время работает а артели «Металловерк». Другой брат Риделя работал в Энгельсе, ныне разоблачён как троцкист. Сестра Риделя замужем за Ритчера, который работает в Энгельсе, ныне арестован органами НКВД как враг народа.

Со всеми вышеуказанными лицами Ридель состоял в тесной связи.

В 1929 году Ридель Г.Г. был арестован по линии НКВД за то, что содействовал освободить крупного торговца Косолапова от уплаты штрафа в сумме 1000 рублей.

Предгорсовета (***Саториус***)
Зампредгорсовета (***Карлин***)».

Конечно, сочинителям справки было страшно: оба они были назначены на эти места вместо недавно арестованных Лоренца и Альберти. Так что справка была составлена в точном соответствии с пожеланиями тех, кто сочинял дело на Андрея Риделя.

В деле есть ещё три протокола допросов сослуживцев Андрея, но они коротки и откровенно формальны. Скорее всего, допросы эти нужны были только для того, чтобы не засветить Апшютца – всех вызывали. Они тоже датированы 19-ым ноября. Тем же числом оформлен протокол допроса самого Андрея.

«**Вопрос**: Следствию известно, что вы на протяжении ряда лет вели активную контрреволюционную агитацию, направленную против Советского правительства и ВКП (б). Признаёте ли себя виновным?
Ответ: В предъявленных мне обвинениях виновным себя не признаю. Никакой агитации, направленной против Советского правительства, я не проводил.
Вопрос: Следствием установлено, что 24 февраля 1937 года вы восхваляли время при царизме, при этом опошляли Советский Союз. 21 марта вы высказывались за поражение Испании, при этом восхваляли фашистский режим. Признаёте вы это?
Ответ: Нет, этого я не признаю. Никакой агитации или восхваления фашистского режима или о поражении Испании я не говорил.
Вопрос: Следствием установлено, что вы в июне 1937 года высказывали сожаление по поводу вскрытой шпионской банды Тухачевского и других врагов народа. Говорили и восхваляли эту организацию, состоящую из бандитов и шпионов. Намерены вы отрицать и это?
Ответ: Да, я отрицаю и это. Об этом я вообще не говорил. Такого разговора не было».

Всё, на этом допрос закончился.

Обвинительное заключение было составлено на следующий день, 20-го ноября, а уже 21- го в Энгельсе состоялось заседание тройки НКВД.

«Выписка из протокола № 15
заседания тройки НКВД АССР немцев Поволжья от 21 ноября 1937 года.
Слушали:
96. Дело № 750 Марксштадтского К/О НКВД по обвинению Ридель Генриха Генриховича…из крестьян-кулаков, активный антисоветский элемент.

Обвиняется в активной антисоветской агитации, восхвалении жизни времён русского царизма, распространении слухов о якобы предстоящей войне СССР с капиталистическими странами и падении советской власти, высказывании угроз расправы в отношении коммунистов, высказывании сожаления врагам народа - троцкистам.
Постановили:
Ридель Генриха Генриховича – расстрелять.

Выписка верна.
Секретарь тройки НКВД АССР НП
мл. лейтенант ГБ ***Лунёв***»

Последней в деле Андрея Риделя подшита полоска синей бумаги шириной 7 сантиметров с таким текстом:

«Выписка из акта.
Постановление тройки НКВД АССР НП от (число не заполнено) ноября1937 года о расстреле Ридель Генриха Генриховича 1895 года приведено в исполнение 26 ноября 1937 года в 12 часов ночи.
Выписка верна.
Секретарь тройки НКВД АССР НП мл. лейтенант ГБ ***Лунёв***».

Надо полагать, что в ноябре в Марксштадте был арестован не только Андрей Ридель. Свидетельствует об этом и его дело. Арестован он был 13-го ноября, а все документы оформлены 19-го. Вряд ли Вейс с Чесноковым в другие дни сидели без дела – они, конечно же, были очень заняты. Имена других их жертв нам не известны.

Шокирует жестокость приговора.

Нормальный человек найти этому объяснение не может и не сможет. Для этого надо представить невозможное: войти в плоть и кровь тех, кто этим занимался, то есть людей, хладнокровно осуществлявших геноцид своего народа, бесчеловечную форму государственного терроризма

Но предположить кое-что всё-таки можно. Уже было сказано о телеграмме, отправленной Ежовым 3-го ноября во все управления НКВД. Получили её и в Энгельсе на улице Коммунистической, 53, в УНКВД республики. Она требовала срочного реагирования.

Такого же реагирования требовало и ещё одно обстоятельство. Партийная и советская верхушка республики в мае - августе 1937-го года была полностью разгромлена. К власти пришли новые люди, в том числе и переброшенный откуда-то из Средней Азии Яков Абрамович Попок, ставший 1-ым секретарём обкома партии, и новый начальник УНКВД (юридически пока – в ранге исполняющего обязанности) Илья Залманович Рессин, заброшенный сюда с Украины. В начале октября Попок написал письмо Сталину, в котором сообщил, что в «республике имеется ещё большое количество неразоблачённых врагов», просил у вождя разрешения продолжить «чистку» и получил на это высочайшее благословение. Соответствующая команда пошла в УНКВД и отсюда.

Где уж им при этом было заниматься юридической казуистикой! Достаточно сравнить обвинительное заключение по делу Андрея Риделя и выписку из протокола тройки, где перечисляются его «преступления». Ведь ему были приписаны обвинения, о которых и речи не шло в кантонных документах. И всё равно – расстрелять!

Надо полагать, что смерть его попала в отчёт о проведении «операции» против «недобитых врагов народа». Но разве имеет значение, по какой «операции» убивают ни в чём не виновного человека? К тому же установлено, что по всем без исключения «операциям» приговоры выносились крайне жестокие. Так, из 57-ми тысяч арестованных по немецкой операции с ноября 1937-го года по ноябрь 38-го было расстреляно почти 42 тысячи человек. А по таким управлениям НКВД, как Ленинградское, Новосибирское и Краснодарское расстреляно было 96 – 98 процентов арестованных. Безусловно, установка о почти поголовных расстрелах пришла из Москвы.

Что же это за страна такая, что за монстр, стремящийся пожрать как можно больше собственных детей?

О расстреле Андрея Риделя никому, конечно, не сообщили. На запросы был дан ответ: осуждён без права переписки, отправлен в лагерь. Уже потом, после смерти Сталина, в ответ на ходатайство Эмилии Ивановны, его вдовы, из

Саратовского управления МГБ в Красноярский край пришло сообщение, что он «умер в заключении 26-го ноября 1943-го года».

Правду суждено было узнать его младшим дочерям Нине и Эрике только в 1990-ом году.

* * *

Роберт Ритчер, 1935 год.

В ходе проведения немецкой «операции» погиб младший брат моего отца **Роберт Ритчер**.

Он родился в марте 1908-го года в селе Унтервальден. Оказавшись после смерти отца в Екатериненштадте, он до 1923-го года учился в школе, а в следующем году был устроен на завод «Коммунист» осваивать рабочую профессию. Он получил специальность токаря и проработал токарем на заводе 5 лет. Там же, на заводе, он вступил в комсомол и был в числе активных членов заводской организации.

В 1930-ом году Роберта призвали в армию. Через год, отдав должное его грамотности и общественной активности, его отправили на учёбу в окружную политшколу в Самару. Там он стал членом ВКП (б). Он окончил школу в 1932-ом году и был направлен на политработу в 96-ой стрелковый полк, дислоцированный в Энгельсе. Полк этот вскоре послужил основой для развёртывания 53-ей стрелковой дивизии, расквартированной в РНП, а дивизия же вошла в состав 12-го стрелкового корпуса Приволжского военного округа. В Энгельсе ему была выделена квартира, на которой он поселился с женой Анной Никифоровной и родившейся в 1930-ом году дочерью Идой.

В 1934-ом году Роберт был назначен в том же полку политруком батареи, а через месяц стал ещё и секретарём партбюро артиллерийского дивизиона, в состав которого входила батарея.

В 1935-ом году, при введении в армии воинских званий, он был аттестован политруком (три «кубика» в петлице). Жена была неплохо устроена – работала агрономом в Наркомземе республики. Дочь росла умницей. Всё складывалось хорошо.

Его арестовали 3-го марта 1938-го года. Арестовали дома ночью и увезли в Энгельсскую тюрьму НКВД.

В деле его переплелись то ли интересы, то ли соперничество двух ветвей одного ведомства: местного управления НКВД и особого отдела НКВД при армии. Постановление на арест вынес начальник особого отдела 53-ей стрелковой дивизии лейтенант ГБ Фомин, утвердил нарком внутренних дел РНП старший лейтенант ГБ Рессин, санкцию на арест дал военный прокурор 12-го стрелкового корпуса некий бригвоенюрист (сделал он это через 22 дня после фактического ареста). Юридически следствие вёл оперуполномоченный республиканского НКВД сержант Торговкин, а откровенно этим дирижировали, а где-то и

напрямую участвовали армейские особисты: помощник начальника особого отдела 53-ей СД младший лейтенант ГБ Иванов, оперуполномоченный особого отдела дивизии младший лейтенант ГБ Бахтин, заместитель начальника особого отдела 12-го СК старший лейтенант Плевицкий и так далее.

Допрашивать Роберта начали сразу после ареста 3-го марта. Допрос продолжали и на другой день, однако протоколов в деле нет, есть только обмолвки об этих допросах. В эти 2 дня он ничего не признавал за собой и ничего не хотел показывать на других.

Но уже 5-го марта он собственной рукой пишет «заявление от арестованного Ритчера Р.Ф. следователю НКВД АССР НП», начинающееся словами: «Решил после двухдневного упорства заявить вам о том, что я, Ритчер Роберт Фёдорович, состоял в контрреволюционной военно-фашистской организации, куда был втянут в 1934-35-ом году бывшим командиром артиллерийского дивизиона Неем Николаем Кондратьевичем».

Что нужно было сделать за 2 дня со здоровым 30-летним мужчиной, чтобы он забыл о чести, порядочности, мужестве и достоинстве и начал говорить и писать всё, что ни укажут, и на себя, и на своих товарищей? Тут можно только предполагать. Тогда уже вовсю били арестованных, и били жестоко. И хоть ты и физически силён, и ростом высок, и лицом – образец мужества и воли (именно таким он был внешне), а битья, причём битья не только жестокого, но и унизительного, форменных садистских издевательств, вынести не можешь. Или так: «Будешь упираться – пойдёшь под пулю, если раньше не забьём насмерть, а будешь послушен – повесим на тебя самую малость, дадут тебе всего 5 лет, и выйдешь на свободу ещё молодым». И так, и так результат добивался практически на сто процентов, твёрдыми перед лицом смерти, да ещё смерти мучительной, оставались считанные единицы.

Его сломали. Он, до конца не понявший их сущности, тешивший себя надеждой, что и вправду можно отделаться пустяками, начал писать, но писать далеко не о том, что они от него ждали и с чего он начал покаяние, а со всяких мелочей, над которыми они, в лучшем случае, могли только посмеяться. До него ещё не дошло понимание чудовищности того, что он должен был сделать. Вот что он писал:

«Втянут я был путём ежевечерней в квартире Нея (в лагере) в карты, в домино, в шахматы, которые обычно сопровождались анекдотами, высказыванием недовольства вокруг обеспечения начальствующего состава со стороны командования, службы тыла военного округа и вообще торговой сети СССР. Я большой любитель карточной игры, что меня и погубило. Ежедневно проводя вечера в квартире Нея, которая получила название

«Клуб Ники Нея», таким путём оторвался от партлинии и постепенно обволакивался в обывательщину, приведшую меня в контрреволюционное болото. Постоянными посетителями этого клуба были (теперь разоблачённые враги) Ней Николай Кондратьевич, Миллер Иван Самуилович, Диль Роберт Давыдович, Фишер Теодор Густавович, Гассельбах Карл Фёдорович, Мереняшев, Плетнев, Гартман (имя и отчество последних трёх забыл).

Моя практическая контрреволюционная деятельность выражалась в том, что я, заведомо зная, что практика подготовки подразделения, взятая Неем, ведёт к небоеспособности подразделения в боевой обстановке, не только не помешал этому, но и

поощрял, создавая видимость благополучия, и уделял больше внимания отражению «успехов», упуская основную мою работу по воспитанию бойца в духе преданности Родине и партии Ленина – Сталина».

И так далее.

Его одёрнули. Им нужно было другое. Он пытается найти что-то другое. Бывший командир полка Фрид через голову дивизии и военного округа ввёл в полку команды на немецком языке. Значит – германские. Бывший помещик, командир батальона Миллер проповедовал поражение нашей армии в войне с Германией. Как? А так: отчитывая нерадивого офицера, он говорил: «Если бы Гитлер видел, что капитан Красной армии так относится к дальномеру, завтра напал бы на нас войной». Или, критикуя некоторых офицеров за конспекты очередных занятий, упрекал их так: «Если бы Гитлер знал, что командиры Красной армии составляют такие конспекты, немедленно объявил бы нам войну». Вот ещё преступное деяние: при игре в карты на квартире у Нея включали германскую музыку, а грузинскую выключали.

Но нет, им нужно и не это. Проходит ещё 2 дня, пока на допросе не были зафиксированы чёткие ответы на вопросы следователя.

«**Вопрос**: Вам говорил Ней о задачах, стоящих перед военно-фашистской организацией, в которую он вас втянул?

Ответ: Ней мне дал понять, что перед военно-фашистской националистической организацией, существовавшей в 53 СД, участником которой я был, ставились основные задачи – это подготовка поражения Советского Союза во время войны с фашистской Германией и переход 157 СП на сторону противника. В случае неудачи мыслился расстрел русских командиров, находящихся в полку.

Для достижения основной цели, стоящей перед контрреволюционной фашистской националистической организацией, участником которой я был, нами проводилась следующая контрреволюционная фашистская деятельность: младший командный состав и красноармейская масса воспитывались в контрреволюционном фашистском националистическом духе, последней прививалось чувство преданности, как мы выражались, к культурной прогрессивной Германии, Гитлер восхвалялся и популяризировался как гений человечества.

Вопрос: Вы лично проводили поставленные перед вами задачи как перед участником контрреволюционной фашистской организации?

Ответ: Да, должен откровенно признаться, что такая деятельность мною проводилась».

После этого были и ещё допросы, и очные ставки, цель которых была одна – расширить круг «участников заговора». Судьба самого Роберта Ритчера была уже решена.

А потом – перерыв на 2 месяца. Следующий документ дела составлен уже в мае.

«Утверждаю.
Нач. управления НКВД
Саратовской области
майор госбезопасности
(***Стромин***)
15 мая 1938 г.

Утверждаю.
Прокурор при ГВП
военюрист 2-го ранга
(***Липов***)

20 мая 38 г.

Обвинительное заключение
по обвинению Ритчера Роберта Фридриховича
по статьям 17 и 58 пункты 8, 10, 11 УК РСФСР

Управлением НКВД СССР по Саратовской области вскрыт и ликвидирован военно-фашистский заговор, существовавший в частях 53 стрелковой дивизии им. Фридриха Энгельса, руководимый и возглавлявшийся русским филиалом германской фашистской партии, действовавшей на территории АССР НП, во главе с ныне осуждёнными Фрешер, Вельш, Люфт и другими.

Как установлено следствием, военно-фашистская заговорщическая повстанческая организация в своей преступной деятельности непосредственно направлялась участниками антисоветского военного заговора, бывшим начальником политического управления Приволжского военного округа Мезисом и бывшим военным комиссаром 12 стрелкового корпуса Плау. Через Мезиса эта контрреволюционная организация была связана с руководителями центра военного заговора в лице Гамарника.

Следствием установлено, что конечной целью ликвидированной военно-фашистской заговорщической повстанческой организации является свержение вооружённым путём советской власти и установление в СССР фашистской диктатуры, исходя из чего организация своими задачами ставила:

1. Обработку личного состава 53 СД в антисоветском фашистском духе с целью подготовки к вооружённому выступлению против СССР в момент нападения Германии или блока фашистских государств на СССР или переход дивизии в период войны на сторону противника.

2. Объединение и подготовка немецкого населения АССР НП к вооруженному антисоветскому восстанию в момент вооруженного нападения Германии на СССР.

3. Осуществление террора над русским командным составом и партийно-комсомольским активом частей в период войны с целью обеспечения перехода дивизии на сторону противника.

4. Всемерное оказание помощи германским разведывательным органам в их работе против СССР посредством проведения шпионажа в период подготовки войны Германии с СССР.

Одним из активных участников этого антисоветского военно-фашистского заговора был бывший политрук роты 157 СП Ритчер Роберт Фридрихович, на основании чего последний и был арестован 3 марта 1938 года.

Следствием установлено… *(и так далее)*

Дело Ритчер Р.Ф. в порядке закона от 1 декабря 1934 года подлежит рассмотрению Военной коллегией Верховного суда СССР.

Материалы в отношении других участников заговора выделены в отдельное производство.

Составлено 10 мая 1938 года в городе Энгельсе.

Пом. начальника ОО ГУГБ НКВД 53 СД
мл. лейтенант ГБ (***Иванов***)
Согласен.
Нач. ОО ГУГБ НКВД 12 СК
мл. лейтенант ГБ (***Левшин***)»

Закон от 1 декабря 1934-го года, о котором здесь идёт речь, - это постановление ЦИК СССР, изданное по указанию Сталина в день убийства Кирова, и касалось оно изменений, вносимых уголовно-процессуальный кодекс при рассмотрении и расследовании дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти. Там предусматривалось следующее:

1) Следствие по этим делам заканчивать в срок не более 10-ти дней.

2) Обвинительное заключение вручать обвиняемому за 1 сутки до рассмотрения дела в суде.

3) Дела слушать без участия сторон (то есть без прокурора и без адвоката).

4) Кассационного обжалования приговора, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.

5) Приговоры к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

Комментировать здесь нечего. Подобные законы действовали на оккупированной фашистами территории во время войны.

Специально для расправы с «участниками» сфабрикованного «заговора» из Москвы в Саратов прибыла группа работников Военной коллегии Верховного суда СССР: диввоенюрист Зырянов (председатель), бригвоенюрист Преображенский, военюрист 1-го ранга Суслин и военюрист 2-го ранга Шапошников (секретарь).

Эта самая военная коллегия заседала 22-го мая. Согласно протоколу заседания, открыто оно было в 17 часов 20 минут, а «в 17 часов 30 минут председатель оглашает приговор и объявляет заседание закрытым».

Приговор.

«…Таким образом, установлена виновность Ритчера в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58 – 1б, 58 – 8, 58 – 11 УК РСФСР. Руководствуясь ст. 319 – 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда СССР

приговорила:

Ритчера Роберта Фридриховича лишить военного звания «политрук» и **подвергнуть высшей мере наказания – расстрелу** с конфискацией имущества, лично ему принадлежащего.

Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1/XII-1934 года приводится в исполнение немедленно.

(подписи)»

После приговора в деле подшита традиционная бумажка:

«Секретно.

Справка.

Приговор о расстреле Ритчер Роберта Фридриховича приведён в исполнение в г. Саратове 22 мая 1938 года. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР том № 10 лист 290.

Нач. 12 отделения 1-го спецсектора
Лейтенант ГБ (***Кривицкий***)».

Дело о военно-фашистском заговоре в частях 53-ей стрелковой дивизии было объединено с подобным делом на Центральном военно-химическом

полигоне в городе Вольске. Суммарно было арестовано более 200 человек, большинство из них – расстреляно.

Когда всё это было уже написано и даже напечатано, мне открылись некоторые подробности по делу. Роберта Ритчера. Хотя расстрельный приговор ему был вынесен 22-го мая, но и его судьба, и судьба его «подельников» окончательно решена была 3-го мая, и решена была не в Саратове, а в Москве, в самом высоком кабинете. В тот день Сталин и Молотов подписали подготовленный в НКВД «Список лиц по Саратовской области, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР». В этом списке – 221 фамилия. Здесь же определена и мера наказания: 176 человек – по первой категории (это расстрел), 45 человек – по второй категории (10 лет лагеря). Роберт Ритчер и все военные, фамилии которых стали мне известны по его делу, были включены в список как подлежащие наказанию по первой категории.

Потом, в 1957-ом году, Военная коллегия Верховного суда объявила всё это дело сфальсифицированным от начала и до конца. 1-го июля 1957-го года приговор от 22 мая был отменён и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Слава правосудию!

Небось те же и отменяли, которые судили.

После ареста Роберта арестовали и его жену. В тюрьме Анна Никифоровна провела 11 месяцев и в 1939-ом году, когда к власти в НКВД пришёл Берия, её выпустили. Выпустили не потому, что наступила эра справедливости, а так выгодно было и ему, и товарищу Сталину: виноват в безобразиях не режим, а всего лишь Ежов и его приспешники. Выпустили тогда и других жён военных, арестованных вслед за мужьями.

На свободу А.Н. выпустили, но квартиру отобрали и вообще жить в Энгельсе запретили.

Она уехала с дочерью в Марксштадт, поступила на работу в интернат для слабовидящих детей и долго работала там воспитателем.

Вдова одного из расстрелянных командиров полка 53-ей дивизии – Лидия Исааковна С. – в 1945-ом году была назначена директором детского дома в Красноармейске, и она рассказывала моей матери, что в тюрьме А.Н. вела себя с надзирателями дерзко, бесстрашно выступала с требованиями об улучшении режима (камеры были набиты битком) и этих улучшений добивалась.

О реабилитации мужа ей сообщили тогда же, в июле 1957-го года. Но правды о его смерти, конечно, не сообщили, солгав, как у них это было принято, что он умер от болезни печени в 1939-ом году. Она им верить и не собиралась. Она была уверена, что это ложь. После освобождения из тюрьмы в 1939-ом году кто-то поведал ей такую историю: Роберта должны были доставить из Энгельса в Саратов в самое половодье, когда по Волге ещё шёл лёд, и его пешком повели на правую сторону по железнодорожному мосту. На середине моста он прыгнул в реку, и то ли утонул, то ли конвоиры его застрелили. Она в это твёрдо верила. Верю в это и я. И суд был фальшивкой, и расстрел – он сам себя приговорил.

Не за выдуманные ими преступления, конечно. Что ж – это был его выбор.

Глава четвёртая

Мартиролог

В семье Фридриха Ритчера и его жены Софьи (в девичестве Геннинг) было четверо детей.

В семье Иоганна-Генриха Риделя и его жены Анны (в девичестве Прахт) было восемь детей.

Вместе взято в этих двух семьях было шестнадцать человек.

Все они умерли.

В 1914-ом году умер от болезни Фридрих Ритчер, 36-ти лет от роду.

В 1919-ом году умер от болезни Иоганн-Генрих Ридель, 59-ти лет.

В 1920-ом году умерла от болезни Ольга Ридель, 19-ти лет.

В 1921-ом году убит в бою Иван Ридель, 18-ти лет.

В 1921-ом году умерла от болезни Минна Ридель, 5-ти лет.

В 1924-ом году умер от болезни Александр Ридель, 33-х лет

В 1937-ом году расстрелян Андрей Ридель, 42-х лет.

В 1938-ом году расстрелян Иван Ритчер, 33-х лет.

В 1938-ом году расстрелян Роберт Ритчер, 30-ти лет.

В 1939-ом году отравил себя Фёдор Ридель, 46-ти лет.

В 1939-ом году умер от болезни Фёдор Ритчер, 33-х лет.

В 1957-ом году умерла Анна Ридель (Прахт), 85-ти лет.

В 1962-ом году умер Густав Ридель, 63-х лет.

В 1970-ом году умерла Софья Ритчер (Геннинг), 88-ми лет.

В 1987-ом году умерла Софья Кальхерт (Ритчер), 73-х лет.

В 1997-ом году умерла Мария Ридель, 88-ми лет.

ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ.